

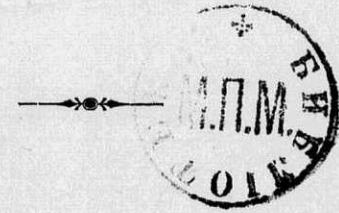
29
6260

801-14
2625

Густавъ Ле-Бонъ.

Эволюція
ЦИВИЛИЗАЦІЙ

1 м 17 11

Сокращен. переводъ съ французск. П. Гальперштейна.

Изданіе „Международной Библіотеки“.

ОДЕССА.
Тип. Исаковича, уг. Гаванной и Дерибасовской, с. д., № 10.
1895.

ЭВОЛЮЦІЯ ЦИВИЛІЗАЦІЙ.

Происхожденіе и развитіе учреждений, нравовъ и вѣрованій у первыхъ цивилизованныхъ народовъ.

ГЛАВА I.

Эволюція въ исторіи.

I.

Вѣкъ, въ концѣ котораго мы живемъ, вѣкъ пара и электричества, который создалъ столько чудесъ, преобразовалъ всѣ наши вѣрованія и создалъ міръ новыхъ идей и мыслей, этотъ вѣкъ проявилъ себя и въ нѣкоторыхъ отрасляхъ исторіи замѣчательными открытіями. Когда еще очень недавно путешественникъ посѣщалъ таинственные развалины древнихъ городовъ Азіи и земли Фараоновъ, страшные обломки великолѣпныхъ памятниковъ, которые поражали его восхищенный взглядъ, онъ смотрѣлъ на нихъ, какъ на свидѣтелей первыхъ вѣковъ жизни человѣчества. Онъ совершенно не подозрѣвалъ, что въ то время, какъ Гомеръ писалъ свои поэмы, когда на берегахъ Нила строились гигантскіе пирамиды и сфинксы съ ихъ вѣчной улыбкой, человѣкъ имѣлъ уже позади себя длинное прошлое. Въ еще очень недавнюю эпоху никто не могъ сомнѣваться (не повторяли-ли этого книги всѣхъ народовъ?), что всего 5 или 6 тысячъ лѣтъ отдѣляютъ насъ отъ происхожденія міра и созданія человѣка, никто не подозрѣвалъ, что болѣе, чѣмъ за 100 тысячъ лѣтъ до начала историческихъ временъ, за много столѣтій до золотого вѣка поэтовъ и библейскихъ преданій, человѣкъ, дикій и голый, съ трудомъ копилъ зародыши своихъ будущихъ успѣховъ, что ему нужно было огромное количество времени для того, чтобы подняться до цивилизаціи. Относительно-же са-

Дозволено цензурою.—Одесса, 15 февраля 1895 г.

42470-0

2011143193

нихъ историческихъ временъ не знали ничего, кромѣ неопредѣленныхъ преданій, сохраненныхъ писателями классической древности. Періоды множества тысячъ лѣтъ были погружены въ глубокий мракъ. Народы, города, царства внезапно появлялись въ исторіи и также внезапно исчезали; только съ приближеніемъ къ новымъ временамъ Греціи и Рима прояснялся этотъ хаосъ древняго міра.

Послѣ долгаго господства традицій, не имѣвшихъ за собою ничего другого, кромѣ своей древности, новѣйшее знаніе начало въ нихъ сомнѣваться, а за сомнѣніемъ послѣдовало изслѣдованіе. Благодаря ему, густой покровъ, скрывавшій отъ насъ исторію, былъ снятъ, и вдругъ предъ нашими изумленными глазами предстало долгое прошлое, котораго никто не подозрѣвалъ, цѣлый міръ цивилизацій, расъ, языковъ, о которыхъ мы до сихъ поръ ничего не знали. Оно извлекло изъ глубины земного шара обломки оружія, остатки жилищъ и промышленности нашихъ первыхъ предковъ, оно показало, что со времени жизни первыхъ людей материка, моря, горы, фауна и флора, весь міръ вообще, глубоко измѣнились. Оно создало изъ этихъ обломковъ совершенно новую отрасль знанія: науку о доисторической жизни человѣка. Изслѣдуя все глубже и глубже происхождение и развитіе нашихъ цивилизацій, эта новая отрасль знанія скоро констатировала, что всѣ наши старыя книги должны быть передѣланы, что всѣ свѣдѣнія, разсѣянные въ Библии и произведеніяхъ классическихъ писателей относительно древнихъ народовъ Востока: египтянъ, ассирийцевъ, вавилонянъ, финикянъ и др., въ высшей степени недостаточны. Она бросила свѣтъ на длинные періоды исторіи, она впервые нашла могущественныя царства, блестящія общества, великолѣпные города, которые до сихъ поръ игнорировались всѣми историками. Теперь она заставляетъ говорить всѣхъ старыхъ свидѣтелей исчезнувшихъ вѣковъ. Передъ нею сфинксы открыли свои уста, замкнутыя въ теченіи вѣковъ таинственной и прони-

ческой улыбкой, оживаютъ пирамиды и пробуждаютъ въ своей глубинѣ эхо голосовъ отдаленныхъ поколѣній, ихъ создавшихъ, предъ нею города мертвыхъ, обелиски и лабиринты начинаютъ рассказывать сверхъестественныя и правдоподобныя исторіи; раскаленная почва Месопотаміи раскрывается, и удивительныя сооруженія, цѣлыя столицы, бывшія нѣкогда владычицами Азіи, встаютъ изъ своихъ пыльных развалинъ. И эти старые гордые города начинаютъ рассказывать въ свою очередь; странные знаки, покрывающіе ихъ стѣны, становятся ясными и такъ-же легко читаются, какъ письмо стараго друга, написанное только наканунѣ хорошо намъ знакомымъ языкомъ. Удивительное чудо терпѣнія и человѣческаго генія! Милліоны людей не даромъ думали, терпѣли, строили, боролись, писали въ теченіе тысячъ лѣтъ! Опытъ вѣковъ не будетъ потерянъ для насъ! Мы нашли ихъ исторію, работы, идеи, мы слѣдуемъ за ходомъ ихъ успѣховъ. День, когда Шамполлионъ, послѣ двадцатилѣтняго труда, успѣлъ разобрать таинственные гіероглифы, покрывающіе стѣны храмовъ древняго Египта, смысла которыхъ тщетно искали въ теченіе болѣе тысячи лѣтъ; день, когда изъ песковъ пустыни Ассиріи Ботта и Лейардъ, предъ глазами изумленныхъ народовъ, вызвали къ жизни города и гигантскіе дворцы; день, когда Раульсонъ и Ошертъ успѣли разобрать книги, заключавшіяся въ библіотекахъ, забытыхъ въ теченіи 3,000 лѣтъ въ пыли развалинъ дворцовъ Ниневіи, — эти дни должны считаться въ лѣтописяхъ человѣчества такими-же, какъ тотъ, когда передъ глазами Колумба впервые предстали изъ темной лазури моря зеленѣющіе берега неизвѣстнаго материка. Великій мореплаватель открылъ новый міръ, новое человечество; новѣйшіе ученые нашли старые міры и заставили ожить исчезнувшее человечество. Такимъ образомъ, предъ свѣтомъ науки прошлое, которое казалось навсегда погибшимъ во мракѣ вѣковъ, вышло изъ забвенія. Исчезнувшіе народы возрождаются такими-же, какими они были

въ дѣйствительности; мы видимъ ихъ памятники и произведенія искусства, мы становимся свидѣтелями ихъ печалей и радостей, мы схватываемъ ихъ идеи, чувства и вѣрованія, мы понимаемъ послѣдовательную эволюцію событій и чувствуемъ, въ какой степени настоящее—результатъ прошлаго и подготавливаетъ будущее.

II.

Это чудесное возрожденіе невѣдомыхъ втеченіи вѣковъ міровъ не было единственнымъ только результатомъ обновленія нашихъ историческихъ знаній; послѣднее вообще перевернуло всѣ наши идеи о происхожденіи нашей цивилизаціи и ея развитіи въ теченіи вѣковъ. Еще очень недавно полагали, что Греки были единственными создателями всей культуры, что ихъ искусства, науки, литература были всецѣло созданы ими и ничѣмъ не обязаны народамъ, имъ предшествовавшимъ. Теперь уже нельзя исповѣдывать подобныхъ теорій.

Безъ сомнѣнія, на извилистыхъ берегахъ Греціи древняя цивилизація достигла полного расцвѣта, но она зародилась и развилась на Востокѣ. Мы знаемъ теперь, что въ эпоху, когда древніе Элліны были еще невѣжественными варварами, блестящія царства процвѣтали на берегахъ Нила и на равнинахъ Халден; мы знаемъ, что Финикіяне передали Грекамъ результаты художественнаго и промышленнаго развитія Египта и Ассиріи, что въ теченіи долгаго времени произведенія Грековъ были не болѣе, какъ слабыми подражаніями. Если бы Греція въ теченіе длиннаго прошлаго не имѣла позади себя инициатора, она не была бы Греціей, она не создала-бы ни Пароенона, ни храма Діаны, ни всѣхъ тѣхъ чудесъ искусства, остаткамъ которыхъ мы удивляемся еще до сихъ поръ.

По мѣрѣ того, какъ древнія царства Востока освѣщаются свѣтомъ науки, заимствованія, сдѣланныя Греками, оказываются все болѣе и болѣе значительными. Не только искусство Грековъ имѣетъ связь съ искусствомъ Востока, но и ихъ учрежденія и вѣрованія; ихъ законо-

датели вдохновлялись египетскими обычаями, тѣмъ египетскимъ правомъ, въ которомъ теперь ищутъ источниковъ римскаго права, изъ котораго въ свою очередь беретъ начало право западно-европейскихъ народовъ.

Сообразно съ этими новыми взглядами, государства древняго міра представляются намъ, несмотря на ихъ постоянное соперничество и жестокую борьбу, трудящимися для одной общей цѣли—прогресса цивилизаціи. Исторія представляетъ собою грудю обломковъ народовъ, религій и царствъ, не оставившихъ послѣ себя ничего, кромѣ воспоминаній; но успѣхи, осуществленные ими въ цивилизаціи, никогда не были потеряны, и мы благословляемъ теперь эти длинныя вѣка усилій. Цивилизація—факель, свѣтъ котораго увеличивается изъ вѣка въ вѣкъ, черезъ который всѣ народы проходили поочередно.

Это обновленіе нашихъ историческихъ знаній и идей не можетъ быть приписываемо только успѣхамъ новѣйшей археологіи. Не малое вліяніе оказали и открытія, совершенныя въ области естественныхъ наукъ. Благодаря имъ, понятіе о естественныхъ причинахъ проникло въ исторію, и мы привыкаемъ разсматривать историческія явленія, подчиненными такимъ-же неизмѣннымъ законамъ, какъ тѣ, которые управляютъ теченіемъ звѣздъ или измѣненіями міровъ. Роль случая или Провидѣнія заступили естественныя законы. Одни законы управляютъ химическими соединеніями и притяженіемъ тѣлъ, другіе мыслями и дѣйствіями людей, происхожденіемъ и упадкомъ вѣрованій и царствъ. Мы часто не признаемъ этихъ законовъ моральнаго міра, но никогда не можемъ избѣгнуть ихъ.

Больше всего успѣхамъ естественныхъ наукъ обязаны идеи, которыя начинаютъ мало по малу проникать въ исторію. Благодаря имъ стало очевиднымъ важное значеніе прошлаго для эволюціи существъ, они показали, что для того, чтобы изучитъ настоящее и предвидѣть будущее состояніе обществъ, необходимо изучитъ прошлое. Существуетъ такая-же соціальная эмбріологія, какъ и

эмбріологія животного міра, и подобно тому, какъ натуралистъ ищетъ объясненія происхожденія животныхъ видовъ въ изученіи предшествовавшихъ имъ формъ, філософъ, желающій понять генезисъ нашихъ идей, учреждений и вѣрованій, также долженъ сначала изучить предшествовавшія имъ формы. Разсматриваемая съ этой точки зрѣнія, исторія, польза которой могла казаться очень незначительной тогда, когда она ограничивалась перечисленіемъ династій и сраженій, пріобрѣтаетъ теперь огромный дѣйствительный интересъ. Она становится первою изъ наукъ, потому что представляетъ синтезъ всѣхъ другихъ. Науки, въ собственномъ смыслѣ, изучаютъ тѣло, животное или растеніе. Исторія изучаетъ чело-вѣчество и даетъ намъ возможность понимать его. Умъ чело-вѣческій никогда не могъ представить себѣ болѣе высокой и полезной цѣли.

III.

Много элементовъ различной важности могутъ быть полезны для возстановленія исторіи какой-нибудь цивилизаціи. Художественныя произведенія расы, ея литература, языкъ, учрежденія, вѣрованія, представляютъ собою проявленія ея усилій и слѣды ея мысли. Ее нельзя понять, не изучивъ этихъ различныхъ проявленій. Чтобы оживить умершіе народы, мы не должны пренебрегать ничѣмъ, что восхищало ихъ глаза или поражало ихъ воображеніе, что занимало ихъ дѣятельность. Но среди этихъ различныхъ элементовъ, необходимыхъ для возстановленія исторіи цивилизаціи, есть одинъ разрядъ, имѣющій наибольшее значеніе, потому что въ немъ исчезнувшіе народы затратили наибольшее количество идей и усилій и потому что онъ обладаетъ наиболѣе выразительнымъ характеромъ, запечатлѣвая въ насъ съ силой и ясностью свое специальное значеніе. Это—произведенія архитектуры. Памятники обладаютъ самымъ могущественнымъ краснорѣчіемъ; они въ то же время удивительно искренни. Эти каменные страницы не знаютъ лжи. Ихъ свидѣтельство имѣетъ въ исто-

ріи цивилизацій огромное значеніе. Видѣть, напри-м., одного египетскаго храма стоитъ чтенія сотенъ папирусовъ. Цивилизаціи, которыя мы лучше всего знаемъ, это тѣ, которыя оставили послѣ себя наибольшее количество памятниковъ, какъ Египетъ. Его неразрушимыя сооруженія представляютъ собою грандіозное выраженіе его стремленій, занятій и вѣрованій, они—древніе свидѣтели его первыхъ усилій или славныя произведенія періодовъ торжества и веселья. Изучая храмы и гробницы Нильской долины, можно понять, въ какой степени сооруженія суть отпечатки народной мысли. Она живетъ, дышетъ, говоритъ въ своихъ сооруженіяхъ, этой душѣ древняго Египта. Въ нихъ онъ воспѣваетъ въ великолѣпныхъ символахъ, въ краснорѣчивыхъ и величественныхъ формахъ свой гимнъ нетлѣнной надежды. Изучая египетскую архитектуру, мы понимаемъ господствующую роль, которую играетъ идеалъ народа въ развитіи его цивилизаціи, видимъ ясно выраженную его господствующую идею, которой ни литература, ни какой либо другой документъ не могутъ выразить съ такой силой и ясностью. Эта архитектура, почти вся состоящая изъ печальныхъ или надгробныхъ памятниковъ, эти удивительныя сооруженія для мертвецовъ, показываютъ, въ какой степени произведенія изъ камня, завѣщанныя расой, могутъ выражать, независимо отъ другихъ вспомогательныхъ средствъ, ея интимныя мысли. Въ одно и то же время гигантская, страшная и простая, имѣющая въ виду создать нѣчто нетлѣнное рядомъ съ милліонами существованій, быстро исчезающихъ на землѣ, египетская архитектура представляется смѣлымъ вызовомъ, брошеннымъ жизнью смерти, мыслью—небытію. Но гордыя и грандіозныя усилія, которыя она ~~выра- жала~~ ^{выражала}, уничтожили въ ней совершенно все, что выражаетъ милость, меланхолію, страсть, все, что составляетъ эфемерное утѣшеніе нашей быстротекущей жизни. Напрасно искали-бы вы въ этихъ безстрастныхъ линіяхъ фантазіи печальной или радостной, нѣжной или восхитительной, ко-

торая подчиняетъ твердый матеріалъ всѣмъ пылкимъ капризамъ воображенія, всѣмъ движеніямъ живого и трепещущаго сердца. Нетлѣнные и неразрушимыя сооруженія стремились выразить своими огромными формами только то, что вѣчно: будущую жизнь и божества.

Эта раса, въ противоположность другимъ, презирала жизнь и почитала смерть. Ее интересовало не живое существо, веселое или печальное, которое любило, работало, плакало, пѣло на берегахъ древняго Нила, а его неподвижная мумія, которая, вся закутанная въ своихъ повязкахъ, своими эмалевыми глазами, вставленными въ золотую маску, вѣчно взираетъ изъ глубины своихъ саркофаговъ на таинственные гіероглифы. Эту мумію прятали въ каменной горѣ, и для того, чтобы она никогда не была уничтожена или осквернена, ее замуровывали въ тайникахъ, которые никому не были извѣстны. Эти гробницы были болѣе обширны и изукрашены, чѣмъ дворцы, а на стѣнахъ безконечныхъ корридоровъ было нарисовано или высѣчено все, что могло украшать существованіе мертвеца. Вся египетская архитектура болѣе или менѣе имѣла своею цѣлью мумію. Для этого страннаго существа, имѣвшаго пустую человѣческую форму, сооружались пирамиды, высѣкались подземелья, строились обелиски, колонны вышиною въ башню, для него задумчивые колоссы возсѣдали на своихъ каменныхъ тронахъ со столь величественнымъ и пріятнымъ видомъ. Какъ же тогда удивляться, что египетская архитектура представляетъ черты постоянства, торжественности, грандіозной монотонности, какихъ нигдѣ нельзя найти въ такой степени въ произведеніяхъ человѣческихъ? Египтяне ужасались всего, что погибаетъ и проходитъ, поэтому они больше, чѣмъ всякая другая нація, работали для вѣчности. Ихъ сооруженія—самыя древнія въ мірѣ и быть можетъ переживутъ всѣ другія. Когда нашъ охладѣвшій земной шаръ, пустынный и печальный, будетъ вращаться въ пространствѣ, когда послѣдній человѣкъ погибнетъ, и будетъ развѣяна

пыль нашихъ самыхъ гордыхъ произведеній, быть можетъ, великая пирамида, которая служитъ гробницей царю Хеопсу, просуществуетъ еще нѣсколько времени, какъ послѣдній остатокъ разрушеннаго міра; быть можетъ, въ глубинѣ какой-нибудь нетронутой гробницы, мумія безмятежно будетъ продолжать свой вѣчный сонъ, имѣя всегда вокругъ себя предметы, услаждавшіе ея жизнь, а на стѣнахъ высѣченныя въ вѣчныхъ глыбахъ изображенія своихъ старыхъ удовольствій. Быть можетъ, Египетъ, который былъ первымъ на зарѣ нашей цивилизаціи, будетъ послѣднимъ, который на землѣ, навсегда обезлюдѣвшей и безмолвной, провозгласитъ, что когда-то жилъ человѣкъ.

Факторы, обусловливающіе происхожденіе и развитіе какой-нибудь цивилизаціи такъ же многочисленны, какъ тѣ, которые управляютъ развитіемъ живого существа. Ихъ изученіе едва начинается теперь. Напрасно искали бы ихъ въ большей части историческихъ книгъ. Тѣмъ не менѣе возможно сдѣлать очевиднымъ вліяніе наиболѣе важныхъ изъ нихъ. Мы укажемъ наиболѣе общіе законы, управляющіе происхожденіемъ и развитіемъ тѣхъ элементовъ, изъ совокупности которыхъ состоитъ наша цивилизація. Необходимо выяснить эти законы для того, чтобы понять генезисъ учреждений, идей и вѣрованій у различныхъ народовъ.

Совершенно новое философское понятіе объ эволюціи, которое за послѣдніе годы совершило переворотъ въ естественныхъ наукахъ, готово преобразовать и наши историческія понятія. Для старыхъ натуралистовъ глубокія трансформаціи, театромъ которыхъ былъ нашъ земной шаръ, не менѣе глубоки, чѣмъ тѣ, которыя произошли у существъ, живущихъ на его поверхности, были произведены сразу цѣлымъ рядомъ разрушеній и послѣдовательныхъ созиданій. Такова была идея Кювье, и она казалась покоющеюся на незыблемыхъ основаніяхъ. Но новѣйшая наука показала, что наша планета и существа, на ней обитающія, подверглись преобразованіямъ только

благодаря цѣлой серіи градацій, настолько-же нечувствительныхъ, какъ тѣ, которыя связываютъ дерево съ зерномъ. Когда разсматриваютъ конечные періоды совершившихся измѣненій, измѣненія эти кажутся намъ огромными, но они покажутся непримѣтными, когда будемъ слѣдить за ними изо дня въ день. Когда дѣло идетъ о живомъ существѣ, объ обществѣ, о вѣрованіи, то наиболѣе глубокія измѣненія дѣйствуютъ всегда медленнымъ и прогрессивнымъ путемъ. Прежде чѣмъ достичь высшихъ формъ, существа и явленія должны всегда пройти черезъ рядъ формъ промежуточныхъ. Вліянія среды опредѣляютъ измѣненія, сначала незамѣтные, но становящіеся поразительными, когда они усиливаются подборомъ и наслѣдственнымъ накопленіемъ втеченіе вѣковъ.

Только примѣняя это понятіе эволюціи къ исторіи, мы можемъ понять происхожденіе и развитіе цивилизацій, генезисъ учреждений, идей и вѣрованій, послѣдовательность явленій и дѣйствіе непоколебимыхъ законовъ, которые опредѣляютъ ихъ теченіе. Только закону эволюціи, заключающему въ себѣ много другихъ, мы обязаны успѣхами, совершенными человѣкомъ въ теченіи своего длиннаго прошлаго, въ теченіи своего медленнаго и трудолюбиваго шествія къ лучшему будущему, къ болѣе высокому положенію, къ совершенству, постоянно желательному, но никогда не достигаемому. Она, эта эволюція, постепенными, нечувствительными измѣненіями сдѣлала солнце обитаемой планетой, затѣмъ луну пустынной и холодной, она съ той же удивительной медленностью заставила выйти мыслящаго человѣка изъ мрака животнаго состоянія, развила удивительную лѣстницу, идущую отъ полина къ организму Ньютона. Она тѣмъ же медленнымъ путемъ развитія сдѣлала изъ суроваго дикаря каменнаго вѣка утонченнаго человѣка нашего времени. Предъ болѣе и болѣе близкимъ знакомствомъ съ законами эволюціи мы видимъ уходящими во мракъ невѣжество и легковѣріе, которыя породили легенды первыхъ вѣковъ, вѣру въ дѣйствіе чу-

десныхъ и сверхъестественныхъ силъ. Современный ученый изучаетъ теперь историческія явленія, какъ явленія физическія, какъ химическое соединеніе или паденіе тѣлъ. Когда онъ успѣлъ найти причины и объяснить послѣдовательность слѣдствій, онъ считаетъ свою задачу исполненной и не теряетъ своего времени на критику того, чего недостаточное значеніе не позволяетъ ему еще понять. Владѣя методомъ, онъ можетъ избавить себя отъ доктрины. Методъ, который современный ученый примѣняетъ къ исторіи тотъ же, который натуралистъ употребляетъ въ своей лабораторіи. Общество можетъ быть разсматриваемо какъ организмъ, въ процессѣ развитія. Существуетъ социальная эмбриологія, какъ существуетъ эмбриологія животнаго и растительнаго міра, и законы эволюціи, которые ими управляютъ, одни и тѣ-же. Эмбриологія животнаго царства, подымаясь шагъ за шагомъ по лѣстницѣ существъ, показываетъ намъ нашихъ первыхъ предковъ, болѣе близкихъ къ низшимъ животнымъ, чѣмъ къ намъ самимъ, и даетъ намъ возможность видѣть, какъ каждый изъ нашихъ органовъ путемъ медленныхъ преобразованій, усиленныхъ подборомъ и наслѣдственностью, развился изъ органа болѣе грубаго. Социальная эмбриологія или, употребляя болѣе простое слово, изученіе цивилизацій, покажетъ намъ рядъ послѣдовательныхъ измѣненій, посредствомъ которыхъ удивительный и сложный механизмъ нашихъ образованныхъ обществъ вышелъ изъ дикаго состоянія, въ которомъ долгое время жили первые люди, укажетъ, что наши идеи, чувства и вѣрованія имѣютъ свои корни въ первыхъ вѣкахъ жизни человѣчества.

Вмѣсто того, чтобы, какъ нѣкогда, видѣть пропасть между народами, которые съѣдали своихъ престарѣлыхъ родителей и тѣми, которые расточаютъ имъ свои заботы и плачутъ на ихъ могилахъ, между тѣми, которые смотрѣли на женщинъ, какъ на существа низшія, принадлежащія всѣмъ членамъ племени, и тѣми, которые окружаютъ ихъ культомъ рыцарства, между тѣми, которые умерщвля-

ли безобразныхъ дѣтей и тѣми, которые помѣщаютъ идіотъ и неизлечимыхъ въ великолѣпныхъ больницахъ, мы, наоборотъ, констатируемъ тѣсныя связи, которыя, на протяжении вѣковъ, соединяють идеи, учрежденія и вѣрованія, совершенно различныя. Мы узнаемъ, что настоящія цивилизаціи всецѣло вышли изъ прошлыхъ и содержатъ въ зародышѣ будущія. Эволюція идей, религій, промышленности и искусствъ, однимъ словомъ всѣхъ элементовъ, входящихъ въ составъ цивилизаціи, такъ же правильна и неизбежна, какъ эволюція животнаго ряда. Этотъ господствующій законъ эволюціи, который преобразуетъ все, дѣйствуетъ съ необыкновенной медленностью. Ему понадобились миллионы вѣковъ, чтобы преобразовать туманную звѣзду въ обитаемую планету, и еще тысячи лѣтъ, чтобы сдѣлать изъ дикаря первобытныхъ временъ цивилизованное существо.

Эта простая и грандіозная теорія эволюціи, которая кореннымъ образомъ преобразовала естественныя науки въ теченіе послѣднихъ лѣтъ, безъ которой происхожденіе и развитіе цивилизацій является слѣдствіемъ непостижимыхъ чудесъ, едва начинаетъ распространяться между историками. Еще теперь многіе писатели, и даже наиболѣе замѣчательные, допускають, что нѣкоторые народы не прошли черезъ низшія примитивныя формы, но сразу появились въ мірѣ со всѣмъ тѣмъ, что должно было непосредственно поставить ихъ въ ряду цивилизованныхъ народовъ. Эта теорія защищается Ренаномъ. Допускать подобныя теоріи значитъ возвращаться къ старымъ легендамъ, по которымъ Минерва сразу вышла изъ головы Юпитера въ полномъ вооруженіи.

— . — . —

ГЛАВА II.

Первые вѣна жизни человѣчества и источники исторіи.

I.

Для того, чтобы понять размѣръ тѣхъ успѣховъ, которые должно было сдѣлать человѣчество, чтобы выдѣлаться до цивилизаціи, необходимо указать въ главныхъ чертахъ его состояніе въ доисторическія времена.

Уже между первыми элементарными, но осмысленными актами, которыми человѣкъ сначала отличался отъ большихъ обезьянъ, до того времени, когда онъ нашелъ знаки и изображенія, соотвѣтствовавшія приблизительно его мысли, т.-е. до того времени, когда онъ началъ владѣть истиннымъ языкомъ, протекли сотни вѣковъ. Этотъ періодъ можно приблизительно опредѣлить по глубинѣ земныхъ пластовъ, подъ которыми находятъ грубые каменные топоры, эти первыя орудія нашихъ предковъ. Но этотъ періодъ не прекратился въ одно и то же время для всѣхъ обитателей земнаго шара; у нѣкоторыхъ онъ продолжался позже, у другихъ онъ еще продолжается. Нѣкоторые дикари Африки или Океаніи не прошли еще его.

Приобрѣтеніе первыхъ знаній требовало самаго продолжительнаго времени. Добываніе огня, обработка земли для посѣва, составленіе словъ, первая попытка плаванія на грубомъ челнокѣ—таковы были наиболѣе важныя открытія, которыя мало по малу освѣтили эти темныя вѣка. Когда эти первые успѣхи были достигнуты, движеніе цивилизаціи ускоряется. Человѣчеству потребовалось болѣе 100 тысячъ лѣтъ, чтобы достичь самыхъ элементарныхъ цивилизацій; онѣ, въ свою очередь, потребовали 3—4 ты-

сячь лѣтъ, чтобы создать блестящія государства Греціи и Рима; 18 вѣковъ привели насъ къ нашему вѣку и, наконецъ, этотъ вѣкъ осуществитъ во всѣхъ отрасляхъ знаній больше открытій, чѣмъ во всѣ предыдущіе.

Вообще доисторическія времена дѣлятся на 4 періода: вѣкъ грубыхъ каменныхъ орудій, вѣкъ орудій изъ полированного камня, бронзовый вѣкъ и желѣзный вѣкъ.

Въ первомъ періодѣ, самомъ продолжительномъ, человѣкъ едва вышелъ изъ первобытнаго животнаго состоянія, не зналъ ни земледѣлія, ни употребленія металловъ, ни искусства строить жилища. Скрываясь, подобно дикимъ звѣрямъ въ глубинѣ пещеръ, онъ не имѣлъ другихъ занятій, кромѣ оспариванія добычи у дикихъ животныхъ, другой промышленности, кромѣ грубаго обтачиванія камней, которые онъ насаживалъ на палку, что составляло его оружіе. За этимъ очень продолжительнымъ періодомъ, охватывающимъ цѣлую геологическую эпоху, въ теченіи котораго фауна, флора, климатъ и видъ материка совершенно измѣнились, наступаетъ періодъ орудій изъ полированного камня. Человѣкъ умѣетъ уже приручать животныхъ, знаетъ земледѣліе, обжиганіе глины, строить жилища, ткеть платье, но не знаетъ еще употребленія металловъ. Это еще дикарь или, по меньшей мѣрѣ, варваръ, но варваръ, который видитъ уже вдали зарю цивилизаціи. Для того, чтобы достигъ ея, требовалось совершить еще много успѣховъ. Онъ осуществляетъ ихъ въ бронзовомъ вѣкѣ, который ведетъ насъ до границъ историческихъ временъ, въ послѣднемъ періодѣ котораго совершаются подвиги, воспѣтые первобытными поэтами. Нѣсколько шаговъ еще, и человѣкъ научается добывать огонь, изобрѣтаетъ письма, строить города. Эра цивилизаціи начинается. Нѣкоторые очень цивилизованные народы, строившіе города, не знали употребленія желѣза, какъ напр., древніе жители Мексики въ эпоху нашествія европейцевъ.

Новѣйшее знаніе достигло возможности возстановить первобытную исторію человѣка, о которой полъ столѣтія тому назадъ совершенно и не подозревали. Остатки ея оружія, промышленности, жилищъ, наполняютъ теперь наши музеи. Съ ихъ помощью мы можемъ ясно представить себѣ условія существованія нашихъ первыхъ предковъ. Существуютъ и другіе источники, которые позволяютъ намъ дополнить картину и сдѣлать ее болѣе живою. Изучая нѣкоторые нецивилизованные народы, нынѣ живущіе на поверхности земного шара, мы можемъ констатировать, что они въ развитіи промышленности не превзошли еще нашихъ предковъ каменнаго вѣка. По ихъ образу жизни можно судить объ образѣ жизни нашихъ предковъ. Кромѣ того, существуютъ еще нѣкоторые народы, достигшіе промежуточныхъ ступеней развитія, и ихъ изученіе доставляетъ намъ цѣнныя указанія на тотъ рядъ послѣдовательныхъ состояній, черезъ которыя долженъ былъ пройти человѣкъ, чтобы достигъ цивилизаціи. Таковы Ашантии, образъ жизни которыхъ сходенъ съ образомъ жизни героевъ, воспѣтыхъ Гомеромъ.

Но даже не изучая никакого дикаго народа, не посѣщая никакихъ музеевъ, мы легко можемъ на мѣстѣ наблюдать тѣ послѣдовательныя состоянія, которыя должно было пройти умственное развитіе первобытнаго человѣка въ теченіе вѣковъ. Для этого мы должны только слѣдить за умственнымъ развитіемъ дитяти. Слѣдя внимательно за развитіемъ умственныхъ способностей и чувствъ дитяти, мы можемъ легко приблизиться къ пониманію генезиса и эволюціи умственныхъ способностей и чувствъ первобытнаго человѣка. По своей импульсивности, эгоизму, совершенному отсутствію нравственнаго чувства и по своей наивной жестокости, дитя имѣетъ большое сходство съ низшими дикарями. При большей силѣ и страсти къ мщенію сходство было бы полнымъ. Изученіе психологіи дитяти, при отсутствіи даже вполнѣ вѣрныхъ данныхъ, доставляемыхъ намъ изученіемъ нынѣ живущихъ дикарей,

не прошедшихъ еще періода орудій изъ полированного камня, могло-бы намъ показать, каковы были чувства и идеи первобытнаго человѣка. Это было существо импульсивное и свирѣпое, не знающее предусмотрительности, живущее со дня на день и не вѣдающее другихъ законовъ, кромѣ права сильного. Его умственное развитіе было очень низко, знакомство съ природой и ея явленіями основывалось на самыхъ грубыхъ ассоціаціяхъ идей. Самое поверхностное знакомство съ новѣйшими дикарями показываетъ, насколько ихъ умственное развитіе стоитъ низко. Нѣкоторые народы, какъ австралійскія племена, бушмены, готтентоты, не могутъ считать выше 5, и иногда даже трехъ. Гальтонъ рассказываетъ, что дикарь южной Африки, продавая овцу за двѣ пачки табаку, не можетъ понять, что за двухъ овецъ онъ долженъ получить четыре пачки табаку; для совершенія такой сложной продажи онъ дастъ сначала одну овцу и получаетъ 2 пачки табаку, затѣмъ другую и получаетъ еще 2 пачки и только такимъ образомъ увѣренъ, что онъ не обманутъ.

Если, оставивъ въ сторонѣ состояніе умственного развитія нашихъ первыхъ предковъ, мы пожелаемъ узнать, каковы были условія ихъ существованія, мы должны только обратить свой взоръ на нынѣшнихъ дикарей, въ особенности на тѣхъ, которые не тронуты еще цивилизаціей. Новѣйшіе путешественники, близко наблюдавшіе дикарей, должны были признать, что естественное состояніе очень грубая вещь, а нецивилизованный человѣкъ—очень злое животное. Ихъ свидѣтельства показываютъ, что дикари, которые по своему образу жизни и своей промышленности наиболѣе приближаются къ первобытному человѣку, ведутъ жизнь, которую нельзя даже сравнить съ жизнью дикихъ звѣрей. Они совершенно не знаютъ того, что мы называемъ добромъ и зломъ, не признаютъ другихъ законовъ, кромѣ права сильного, убиваютъ и часто съѣдаютъ своихъ престарѣлыхъ родителей, когда тѣ становятся имъ въ тягость, смотрятъ на женщинъ, какъ на

простыхъ животныхъ, убивая ихъ спокойно, когда тѣ становятся безполезными. „Я желалъ-бы, чтобы негрофилы Англіи“, говоритъ Самуиль Беккеръ въ своей книгѣ объ Альбертъ-Ньянцѣ, „могли видѣть, какъ я, сердце Африки, и ихъ симпатіи исчезли-бы. Человѣческая природа, наблюдаемая въ ея первобытномъ состояніи у дикарей этого материка, не стоитъ выше скотскаго уровня и не можетъ сравниться съ благородствомъ собаки. Эти негры не знаютъ, что такое признательность, жалость, любовь, преданность; они не имѣютъ никакихъ идей о долгѣ или о религіи, скупость, неблагодарность, эгоизмъ и кровожадность—ихъ отличительныя качества; они всѣ воры, лѣнты, завистливы и готовы ограбить своего болѣе слабого сосѣда или продать его въ рабство“. Ольфіельдъ увѣряетъ, что немногіе изъ австралійцевъ настолько счастливы, чтобы умереть естественною смертію; ихъ убиваютъ вообще до того, какъ они становятся старыми и худыми, изъ опасенія, какъ бы не потерять хорошей пищи. Обычай убивать и иногда съѣдать своихъ престарѣлыхъ родителей общъ почти всѣмъ первобытнымъ народамъ. Мы не имѣемъ никакого основанія предполагать, что дикари, которые обитали въ Европѣ въ эпоху грубыхъ каменныхъ орудій, вели менѣе несчастное существованіе; наоборотъ, мы имѣемъ больше основанія думать, что ихъ положеніе было болѣе несчастное. Страны, въ которыхъ живутъ нынѣшніе дикари, обладаютъ очень теплымъ или умѣреннымъ климатомъ, почему они и не должны безпрестанно защищаться противъ страшныхъ чудовищъ, съ которыми боролись наши несчастные предки, вынужденные жить, какъ дикіе звѣри, маленькими изолированными семьями. Вѣчная борьба противъ существъ болѣе слабыхъ въ ожиданіи быть убитымъ болѣе сильнымъ—таково было тогда необходимое условіе всякаго существованія. Какъ только человѣкъ становился больнымъ, безсильнымъ, или когда старость парализовала его силы, ему не оставалось ничего болѣе, какъ умереть. Нашимъ предкамъ понадобились

сотни вѣковъ, чтобы пріобрѣсти чувства, кажущіяся намъ теперь столь простыми: любовь къ ближнему и жалость.

Таковъ былъ золотой вѣкъ поэтовъ, къ которому хотѣли вернуть насъ философы, какъ Жанъ-Жакъ Руссо. Изъ этихъ варварскихъ народовъ, не знавшихъ ни земледѣлія, ни домашнихъ животныхъ, ни употребленія металловъ, ни искусства строить жилища, безъ жалости убивавшихъ своихъ престарѣлыхъ родителей и не щадившихъ слабыхъ, должны были выйти путемъ медленной и послѣдовательной эволюціи утонченныя и блестящія общества Египта, Греціи и Рима.

II.

Сдѣланный нами краткій очеркъ доисторическихъ временъ вполне достаточенъ для того, чтобы показать точку исхода цивилизаціи и понять размѣръ тѣхъ усилій, которыя потребовались человѣчеству, чтобы подняться до цивилизаціи. Веѣ открытія достались человѣчеству цѣною долгихъ и упорныхъ усилій. Доисторическія времена были необходимымъ подготовительнымъ путемъ для временъ историческихъ, и безъ первыхъ послѣднія не могли бы возникнуть. Оставляя въ сторонѣ многіе вѣка, которые связываютъ варварскія времена съ состояніемъ цивилизаціи, мы остановимся на послѣднихъ фазахъ, предшествовавшихъ этому періоду.

Возстановленіе конца доисторическихъ временъ, по крайней мѣрѣ для индо-европейскихъ народовъ, представляетъ одно изъ замѣчательнѣйшихъ открытій новѣйшаго знанія. Ни слѣдовъ изображеній, оружія, сооруженій, письменности, — ничего не осталось, легендъ еще меньше, и исторія была также нѣма относительно этого отдаленнаго вѣка, какъ и относительно обитателей той таинственной Атлантиды, внезапно погрузившейся въ море, о которой рассказываетъ Платонъ.

Только на базисѣ данныхъ, добытыхъ лингвистикой, стало возможнымъ это возстановленіе. На основаніи этихъ

данныхъ доказано, что Европой и частью Азіи въ доисторическія времена овладѣлъ, или оказалъ на нее глубокое вліяніе одинъ народъ — первобытные Аріи, исчезнушіе со сцены міра въ то время, какъ начинается исторія. Отъ этой расы произошли, слѣдующая теоріи, которой мы не раздѣляемъ, но которая очень распространена теперь, индо-европейскіе народы: индійскіе аріи, персы, греки, латиняне, славяне, германцы, кельты и друг. Эта первобытная раса не оставила послѣ себя никакихъ слѣдовъ и была частью тѣхъ народовъ, безъ сомнѣнія, многочисленныхъ, которые остались неизвѣстны исторіи; но ея существованіе было ясно доказано изученіемъ индо-европейскихъ языковъ, которое дало также возможность въ большихъ подробностяхъ возстановить ея учрежденія, вѣрованія, образъ жизни и нравы. Сравнительная филологія въ послѣдніе годы успѣла показать убѣдительно и не оставляющимъ мѣста никакимъ гипотезамъ образомъ, что индо-европейскіе языки: санскритъ, нѣмецкій, греческій, латинскій и др., а слѣдовательно, и языки, отъ нихъ образовавшіеся, какъ итальянскій, испанскій, французскій и др., произошли отъ одного общаго языка. Очевидно, что если слово, которое обозначаетъ какой-нибудь предметъ, металлъ, напримѣръ, желѣзо, имѣетъ одинъ и тотъ-же корень на берегахъ Ганга и Темзы, у подошвы Альповъ и на берегахъ Балтійскаго моря, то изъ этого нельзя заключить, что народы, которые произносили его въ теченіе историческихъ временъ, которые часто должны были развиваться и распространяться, не зная о своемъ взаимномъ существованіи и никогда не сообщаясь другъ съ другомъ, передали другъ другу это слово, или еще меньше, что они одновременно избрали одинъ и тотъ-же слогъ для обозначенія желѣза; такія предположенія станутъ еще болѣе неправдоподобными, если мы будемъ вынуждены примѣнить ихъ къ большому количеству словъ. Единственнымъ возможнымъ изъ этого выводомъ будетъ то, что всѣ индо-европейскіе языки

произошли отъ одного пра-языка, теперь совершенно исчезнувшего, какимъ былъ языкъ арійскій. Этотъ языкъ былъ найденъ сравнительной филологіей, путемъ соединенія первоначальныхъ сходныхъ корней индо-европейскихъ языковъ. Далѣе, рассматривая, какъ быстро измѣняется языкъ по мѣрѣ удаленія отъ той среды, гдѣ на немъ говорятъ, заключаютъ, что на одномъ общемъ языкѣ говорило одно племя, первоначально сгруппированное на одномъ пунктѣ земнаго шара, а затѣмъ распространившееся по Индіи и Европѣ. Гдѣ-же былъ этотъ пунктъ, на которомъ должны были жить первобытные Аріи, прежде чѣмъ многочисленность заставила ихъ расселиться и разсѣяться? До сихъ поръ невозможно точнымъ образомъ установить его. Согласились помѣстить его у плоскогорья центральной Азіи. Легко видѣть, какимъ образомъ благодаря арійскому языку оживаетъ передъ нами арійскій народъ. Вообще говоря, нельзя лучше изучить стремленій и идей народа, какъ въ его языкѣ; только по словарю народа можно заключить, былъ-ли онъ земледѣльческимъ или пастушескимъ, торговымъ или промышленнымъ, положительнымъ или мечтательнымъ, веселымъ или меланхоличнымъ. Но, не вдаваясь въ догадки, можно безошибочно сказать, что народъ, употребляющій слова: начальникъ, священникъ, собственность, семья, матерія, дерево, желѣзо, имѣлъ управленіе, религію, зналъ поземельную собственность, бракъ, употребленіе желѣза, ткалъ матерію и проч. Такимъ образомъ мало по малу узнали, что Аріи, хотя и стояли ниже первыхъ цивилизованныхъ народовъ, которыхъ показываетъ намъ исторія, тѣмъ не менѣе оставили далеко за собой дикое состояніе. Въ томъ видѣ, въ какомъ они намъ представляются, они были земледѣльскій народъ, умѣющій обрабатывать землю, строить дома съ окнами и дверьми, знающій мѣновую торговлю, но не знакомый съ употребленіемъ монетъ. Понятіе собственности, неизвѣстное дикарямъ, было очень развито у нихъ, такъ какъ у нихъ было много словъ для обозначенія имуществъ,

движимыхъ и недвижимыхъ, границъ, продажъ, договоровъ. Они платили налоги, приносили клятвы, обрабатывали дерево, камень, мѣдь, бронзу и даже желѣзо, носили платье изъ ткани. Религія ихъ была политеистической и заключалась въ обожаніи силъ природы. Они вѣрили и заклинали въ обожаніи силъ природы. Они вѣрили и заклинали въ магію, духовъ, сожигали мертвыхъ и лечили больныхъ заклинаніями. Будучи гораздо ниже древнихъ египтянъ, они не знали искусства письма, не могли воздвигать ни одного прочнаго сооруженія, не владѣли ни искусствами, ни науками, ни сложной соціальной организаціей. Но они стояли гораздо выше людей вѣка полированного камня и даже бронзоваго вѣка.

III.

Много другихъ источниковъ изученія приходитъ на помощь лингвистикѣ, чтобы возстановить фізіономію народовъ, принадлежащихъ той фазѣ, которая непосредственно предшествуетъ исторіи. Главный изъ нихъ—изученіе многочисленныхъ еще теперь расъ, которыя остались на низшихъ ступеняхъ развитія.

Вообще нельзя нарисовать картины какой-бы то ни было цивилизаціи безъ помощи слѣдующихъ источниковъ изученія: памятниковъ, религій, языковъ, преданій и книгъ. Съ тѣхъ поръ, какъ эти источники существуютъ для народа, можно сказать, что для него начинается исторія. Мы прежде всего называли памятники, потому что это самые старые свидѣтели, оставленные человѣчествомъ на своемъ пути. Между тѣми изъ нихъ, которые существуютъ и понынѣ, многіе восходятъ къ доисторическимъ временамъ. Огромные монолиты, кромлехи, менгиры, неподвижные и таинственные, возвышающіеся на равнинахъ, омываемыхъ туманами Атлантического океана, долгое время приписываемые кельтамъ, принимавшіеся прежде за друидическіе памятники, были воздвигнуты людьми каменнаго вѣка. Другіе величественные памятники, какъ долмены, до сихъ поръ находясь въ Индіи, были, безъ сомнѣнія, первыми гробницами, воздвигнутыми нашей расой. Внутреннія стѣны

нѣкоторыхъ изъ нихъ покрыты наивными и странными рисунками, первобытными опытами надписей, къ несчастю, совершенно непонятными для насъ. Наболѣе древніе памятники, послѣ этихъ каменныхъ чудовищъ безформенныхъ и нѣмыхъ—пирамиды, сфинксы и храмы Египта; затѣмъ идутъ катакомбы Финикіи, скалы Фригіи, покрытыя барельефами и, наконецъ, дворцы и религіозныя сооруженія Ассиріи, которые только недавно были восстановлены въ полномъ свѣтѣ, благодаря киркамъ ученыхъ европейцевъ.

Для изученія древнихъ народовъ довольствовались ихъ преданіями и книгами. Но книги не восходятъ слишкомъ далеко. Наболѣе извѣстная древняя книга—Библия. Ей приписываютъ древность, превосходящую ту, которую она имѣетъ въ дѣйствительности. Пятикнижіе, книги Царей и Судей даютъ намъ свѣдѣнія о первыхъ цивилизаціяхъ востока, и это все, что мы можемъ почерпнуть изъ нихъ, а для остального намъ нужно обратиться къ грекамъ Геродоту и Діодору Сицилійскому, которые не углублялись въ лѣтописи своихъ сосѣдей и, кромѣ своихъ личныхъ наблюденій, скомпилировали только легенды. Существовала еще хронологія Манеона, египетскаго жреца, жившаго при Птолемеѣ Филадельфійскомъ, но она казалась вздорной вслѣдствіе древности, приписываемой ею Египту, которой тогда не хотѣли допустить. Теперь, когда гіероглифы и клинообразныя письмена читаются такъ же бѣгло, какъ языкъ Гомера, мы можемъ съ увѣренностью восходить за 7000 лѣтъ до начала исторіи. Египетскіе и ассирійскіе барельефы иллюстрируютъ текстъ, написанный на камнѣ или папирусѣ. Мы видимъ фізіономію древнихъ расъ, наблюдаемъ ихъ въ церемоніяхъ, сраженіяхъ, работахъ, въ храмѣ, въ городѣ, на поляхъ, вплоть до ихъ послѣдняго жилища, куда они нѣкогда возвращались въ видѣ мумій, удивительно сохранныхъ. Эта исторія, написанная на камнѣ, присоединяется къ той, которая содержится въ рѣдкихъ книгахъ, и дополняетъ ее.—Къ памятникамъ, съ ихъ надписями, и кни-

гамъ необходимо прибавить, какъ источники изученія, языки, преданія и религіи. Языки, сами по себѣ, даютъ возможность восстановить состояніе цивилизаціи, наприм., аріевъ. Изученіе древнихъ языковъ востока, возвращаетъ насъ къ историческимъ временамъ, позволяя намъ прочесть писанные документы, оставленные исчезнувшими расами. Кромѣ того, мы видимъ, что языки также подчиняются великому закону эволюціи и по ихъ необходимымъ фазамъ, по той ступени развитія, которой они достигли, можно заключать о соотвѣтственной степени развитія народовъ, на нихъ говорившихъ.—То, что мы говоримъ о языкахъ, одинаково относится и къ религіямъ. Фазы религіозной мысли расы часто указываютъ намъ фазы его общаго развитія. Сообразно тому, поклоняется-ли данная раса деревяннымъ идоламъ, почитаетъ-ли она громъ и молнію, Юпитера и Минерву, великаго Пана, величественнаго Аллаха, который не представляется ни въ какомъ видѣ, великаго Вишну, формы котораго безконечны, или единаго, невидимаго Бога,—можно заключить, на какой ступени цивилизаціи слѣдуетъ ее помѣстить. Народныя преданія также имѣютъ свое значеніе для изученія состоянія цивилизаціи. Если значеніе ихъ часто бываетъ второстепеннымъ, то это происходитъ отъ того, что преданія, передаваемые изъ устъ въ уста, быстро искажаются. Они приобрѣтаютъ устойчивую форму только съ изобрѣтеніемъ письменности, т.-е. очень поздно. Первые книги, каковы нѣкоторыя части Библии и поэмы Гомера, лишь соединили очень старыя преданія, уже сильно измѣненные, и дали имъ неподвижную форму. Нѣкоторыя важныя преданія, которые находятся во всѣхъ первыхъ письменныхъ памятникахъ большей части народовъ, могутъ бросить свѣтъ на нѣкоторыя замѣчательныя событія доисторическихъ временъ, какъ, напр., на потопъ, который, если и не покрылъ всей земли, все же долженъ былъ быть страшною катастрофой для огромныхъ странъ.

ГЛАВА III.

Происхождение и развитие семьи и языка.

1. Развитие семьи.

Пройдя вѣка дикаго состоянія или варварства доисторическихъ временъ, мы находимъ учрежденія, чувствованія, идеи и вѣрованія уже связанными между собою замѣтнымъ образомъ. Они представляютъ уже общія формы эволюціи, одинаковыя у всѣхъ народовъ въ началѣ ихъ цивилизаціи. Мы намѣрены изложить генезисъ и развитие учреждений, идей и вѣрованій, общихъ всѣмъ цивилизованнымъ народамъ, вмѣстѣ съ тѣми главными измѣненіями, которымъ они подверглись, переходя отъ одного народа къ другому.

Учрежденія, находимыя нами у всѣхъ цивилизованныхъ народовъ, подчинены, какъ и самыя расы, у которыхъ они существовали, закону эволюціи. Не останавливаясь на священномъ, почти неподвижномъ характерѣ нѣкоторыхъ изъ нихъ, философъ долженъ попытаться добраться до причинъ ихъ возникновенія и слѣдовать шагъ за шагомъ за ихъ медленнымъ развитіемъ на протяжении вѣковъ. Въ тотъ моментъ, когда начинается исторія, эти учрежденія достигли уже извѣстной степени высоты и функционируютъ правильно. Но они еще носятъ очень сильный отпечатокъ первобытнаго варварства, въ нѣдрахъ котораго выработались. Эти слѣды древнѣйшихъ обычаевъ и изученіе низшихъ народовъ даютъ намъ возможность указать въ главныхъ чертахъ генезисъ важнѣйшихъ учреждений и вѣрованій, степень развитія, которой они достигли въ началѣ исторіи, и тѣ различныя перемѣны, которымъ они подверглись на своемъ дальнѣйшемъ пути.

Мы начнемъ съ изученія самаго главнаго изъ этихъ учреждений, на которомъ покоятся всѣ другія—съ семьи.

Въ началѣ исторіи семья занимала уже важное мѣсто и представляется намъ всюду, какъ социальная единица. Это—маленькое государство въ государствѣ; въ немъ отецъ семьи—абсолютный глава. Древній патріархъ, кроткій и почитаемый, окруженный своими дѣтьми, внуками, стадами, всегда представляется намъ на зарѣ наиболѣе извѣстныхъ древнихъ временъ.

Но изъ этого не слѣдуетъ, что всегда было такъ. Человѣческая семья не началась съ патріархата; она прошла сначала черезъ низшія формы, которыя пройдены уже нѣкоторыми животными видами. Въ дѣйствительности, первобытное смѣшеніе, общность женщинъ у первыхъ племенъ—доказанные факты, примѣры которыхъ мы сейчасъ представимъ. Смѣшеніе рѣдко встрѣчается у животныхъ видовъ, наиболѣе близкихъ къ человеку. Ревность самца къ самкѣ или самкамъ, если ихъ у него нѣсколько—наиболѣе сильное чувство, замѣтное у животныхъ. Пѣтухъ и обезьяна-полигамы, нѣкоторыя птицы-моногамы часто пѣною жизни защищаютъ свое исключительное право собственности на своихъ подругъ. Олени сражаются за обладаніе самкой, которая принадлежитъ наиболѣе сильному и больше никому. Существованіе животной семьи не продолжается дольше времени, необходимаго для воспитанія дѣтей, но вѣрность супруговъ продолжается иногда и дольше, и у нѣкоторыхъ видовъ моногамовъ, какъ у мартышекъ Индіи, попугайчиковъ, называемыхъ неразлучными, за смертью одного изъ супруговъ скоро слѣдуетъ смерть другого. Примѣры животныхъ показываютъ намъ, каковы были первобытные нравы человечества. Мы можемъ представить себѣ нашихъ предковъ блуждающими по лѣсамъ, какъ большія обезьяны, маленькими группами изъ одного мужчины и, безъ сомнѣнія, нѣсколькихъ женщинъ, которыхъ онъ сдѣлалъ своей собственностью благодаря превосходству силы надъ

слабостью и которых онъ защищалъ противъ своихъ соперниковъ. Первые социальныя потребности, какъ необходимость соединяться и защищаться противъ грозныхъ враговъ, поставили на мѣсто изолированныхъ группъ племя и привели къ общности женъ, столь противной инстинкту животной ревности, которая встрѣчалась тѣмъ не менѣе у большей части дикихъ народовъ и даже въ историческія времена въ нѣдрахъ очень развитыхъ цивилизацій. Въ теченіе мрачнаго періода, когда все было губительно для невѣжественнаго, безоружнаго человѣка, окруженнаго дикими звѣрями, вынужденнаго бороться противъ себя подобныхъ, чтобы завладѣть жалкой пищей, изолированность была полна опасностей, и племя стало единицей, въ которой терялся индивидуумъ, не имѣвшій возможности существовать внѣ его. Племя, владѣя сообща всѣмъ, одинаково владѣло сообща женами и дѣтьми.

Такъ какъ общее смѣшеніе дѣлало для ребенка невозможной связь съ отцомъ (отчество), то его единственнымъ родителемъ признавалась сначала мать. Едва ли первобытные народы ясно сознавали связь между отцомъ и ребенкомъ. Когда ее хотѣли установить, то стали для этого изобрѣтать странные обычаи, какъ кувада, практикуемая у всѣхъ народовъ Южной Америки и сохранившаяся до сихъ поръ въ Европѣ у Басковъ: когда женщина должна была стать матерью, ея супругъ ложился въ постель, представлялъ всѣ муки дѣторожденія и получалъ всѣ тѣ попеченія и поздравленія, которыхъ заслуживала его супруга. Этотъ наивный обычай относительно недавняго происхожденія, потому что требуетъ для своего существованія сознанія связи между отцомъ и новорожденнымъ, сознанія, невозможнаго во времена древняго смѣшенія.

Первобытное смѣшеніе существуетъ еще у многихъ дикихъ народовъ Индіи, Америки и Африки, особенно у Индѣйцевъ Калифорніи. Оно даже восстановлено теперь въ нѣкоторыхъ коммунистическихъ обществахъ Соединенныхъ Штатовъ, гдѣ дѣти не знаютъ своего отца и воспи-

тываются сообща. Но что лучше всего доказываетъ общее распространеніе этого учрежденія въ доисторическія времена, это многочисленные слѣды, которые оно оставило въ нѣдрахъ первыхъ цивилизацій. На него намекаютъ наиболѣе древніе историки. Геродотъ, Плиній, Страбонъ, Діодоръ Сицилійскій рассказываютъ объ этомъ учрежденіи, какъ о существовавшемъ еще въ то время, когда они писали, напр., у Галактофаговъ Скиѳіи и жителей Британскихъ острововъ. Проституція, предписываемая религіознымъ закономъ, которую можно было наблюдать на всемъ древнемъ Востокѣ, популярность куртизанокъ въ Греціи, обычай одалживать свою жену гостю, столь частый еще и теперь у нѣкоторыхъ народовъ, чувственныя жертвоприношенія въ храмахъ Венеры, все это остатки первобытнаго смѣшенія. Идея, что молодая дѣвушка не можетъ принадлежать одному только человѣку, т. е. не можетъ лишать своего расположенія всѣхъ другихъ членовъ племени, прежде чѣмъ не принадлежала жрецу, какъ теперь еще въ Камбоджѣ, или друзьямъ супруга, какъ практиковалось у жителей Балеарскихъ острововъ во время Діодора Сицилійскаго, или иностранцамъ, какъ у Вавилонянъ, описанныхъ Геродотомъ, показываетъ, какъ сильны были нѣкогда общія права всѣхъ на обладаніе женщиной. Предписывая женщинѣ отдаваться иностранцу передъ замужествомъ, религіозный законъ, этотъ вѣрный хранитель наиболѣе древнихъ обычаевъ у всѣхъ народовъ, только поддерживалъ сознаніе древнихъ правъ общности. Кромѣ этихъ характерныхъ обычаевъ, родительская связь черезъ женщину (материнство) и матриархатъ, столь легко находимые въ началѣ исторіи, свидѣтельствуютъ еще о всеобщности древняго коммунизма въ отношеніи къ женщинамъ.

Дитя знаетъ только мать, отъ нея получаетъ имя съ тѣхъ поръ, какъ имена существуютъ, ей одной наслѣдуетъ съ тѣхъ поръ, какъ собственность становится личной. Родительская связь черезъ женщину, повидимому, существо-

вала въ Аѳинахъ до времени Кекропса. Дѣти носили сначала только имя матери. Можно предположить, что то же существовало и въ древнемъ Египтѣ, хотя, по Геродоту, это относилось только къ дочерямъ, на которыхъ была возложена обязанность прокармливать своихъ престарѣлыхъ родителей. У многихъ низшихъ народовъ Азіи и Африки, особенно у обитателей Ассама и у негровъ Южной Индіи, родство черезъ женщинъ, т.-е. матриархатъ продолжается и до сихъ поръ.

Въ прочно установленномъ матриархатѣ дядья съ материнской стороны по необходимости являются самыми близкими мужскими родственниками дитяти, такъ какъ послѣднее не знаетъ отца. Они обращаются съ нимъ, какъ съ сыномъ и дѣлаютъ его своимъ наслѣдникомъ. У Ашантievъ не собственные дѣти наслѣдуютъ послѣ смерти, а дѣти сестры. У Кафровъ власть главы переходитъ къ его брату или племяннику по матери.

Состояніе, слѣдовавшее непосредственно за общностью женщинъ, было состояніе ограниченной общности, называемое полиандріей. Уже не всѣ мужчины даннаго племени владѣли каждой женщиной, а нѣкоторые изъ нихъ. Обыкновенно мужьями одной женщины были братья. У монгольскихъ народовъ Тибета, у черныхъ народовъ Малабарскаго берега и у многихъ племенъ Африки и Полинезіи полиандрія и обыкновенно полиандрія братьевъ существуетъ еще и до сихъ поръ. Въ древней индійской поэмѣ Магабартѣ мы видимъ, что пять братьевъ Пандава владѣли сообща прекрасной Драупади съ глазами цвѣта голубого лотоса.

Въ полиандріи, какъ и въ первобытномъ смѣшеніи, положительно невозможно установить отцовской связи. У нѣкоторыхъ народовъ, практикующихъ полиандрію братьевъ, какъ, напр., въ Ассамѣ, дѣти распредѣляются слѣдующимъ образомъ: старшее дитя принадлежитъ старшему изъ братьевъ, слѣдующее—второму и т. д. Это первый, хотя и грубый, опытъ установленія связи дитяти съ отцомъ.

Эта вторая форма родства должна была явиться гораздо позже, и мы находимъ ее едва установившеюся на зарѣ историческихъ временъ.

Вмѣстѣ съ развитіемъ чувства собственности и стремленія къ завоеванію, полуобщность, о которой мы теперь говоримъ, все болѣе и болѣе стѣсняется.

Въ то время, какъ племя было единственной соціальной единицей, необходимо было похищать женщинъ изъ племени въ племя, и это было причиной того явленія, что бракъ у дикихъ народовъ былъ экзогамическимъ. Первый глава, доставивъ часть захваченной у непріятеля добычи, долженъ былъ попытаться присвоить себѣ въ свою исключительную собственность нѣсколькихъ завоеванныхъ женщинъ. Такимъ образомъ онѣ сдѣлались для самыхъ сильныхъ мужчинъ предметомъ роскоши и сохранили этотъ характеръ и тогда, когда полиандрія продолжала практиковаться еще большинствомъ членовъ племени. Имѣли женщинъ, какъ имѣли стада и рабовъ; дѣти, которыя рождались отъ этихъ женщинъ, считались собственностью хозяина и рассматривались, какъ рабы, изъ которыхъ можно было извлекать выгоду. Фанти, народъ центральной Африки, женятся на возможно большемъ количествѣ женщинъ, чтобы владѣть стадами дѣтей, которыя становятся предметомъ выгодной торговли. М. Дезире, Шарней и М. Ольфіельдъ рассказываютъ, что въ Австраліи оставляютъ каждой женщинѣ не больше двухъ или трехъ дѣтей; прочія воспитываются до десятилѣтняго возраста и затѣмъ убиваются, чтобы быть съѣденными. Когда ихъ убиваютъ, матери немного плачутъ, но никогда не отказываются отъ участія въ пиршествѣ.

Слова „отецъ“ и „супругъ“ долгое время были однокоренными со словомъ „собственникъ“. Кодексъ Ману, который, безъ сомнѣнія, утвердилъ только обычай, существовавшіе гораздо раньше, чѣмъ онъ былъ составленъ, часто не дѣлаетъ никакого различія между словами „собственникъ“ и „отецъ“; согласно его постановленіямъ тотъ,

кто женится на женщинѣ беременной или уже матери, становится собственникомъ ея дѣтей.

Такимъ образомъ сначала только право насильственного захвата установило исключительную собственность индивидуума на женщину. Этотъ захватъ могъ проявиться только по отношенію къ женщинамъ чужого племени, и отсюда, безъ сомнѣнія, возникъ обычай, который мы до сихъ поръ находимъ у большей части нецивилизованныхъ народовъ, обычай жениться только на женщинахъ чужого племени. Обычай экзогамическихъ браковъ пережилъ такимъ образомъ причину, вызвавшую его.

Жена и дѣти разсматривались постоянно не только у первобытныхъ народовъ, но и въ древнемъ классическомъ мірѣ, какъ абсолютная собственность супруга, за которымъ всѣ древніе кодексы, особенно римскій, признавали право жизни и смерти надъ ними; этимъ объясняется существованіе дѣтоубійства у всѣхъ древнихъ народовъ, варварскихъ и цивилизованныхъ. Оно существовало не только въ Спартѣ и Римѣ; новые, очень передовые народы, какъ, напр., Китайцы практикуютъ его регулярно. Наболѣе охотно оно примѣняется къ дѣвочкамъ, такъ какъ онѣ не могутъ стать работниками и воинами. У Райпутовъ Индіи, очень развитого, цивилизованнаго и рыцарскаго племени, убійство дѣвочекъ практиковалось долгое время въ такихъ обширныхъ размѣрахъ, что началъ чувствоваться недостатокъ въ женщинахъ. Этотъ обычай, непосредственнымъ слѣдствіемъ котораго явилась рѣдкость женщинъ, былъ, безъ сомнѣнія, одной изъ причинъ существованія полиандріи у многихъ народовъ.

Изъ всего предыдущаго видно, что семья въ началѣ своего происхожденія не имѣла религіознаго и гражданскаго характера, основаннаго, главнымъ образомъ, на трогательныхъ чувствахъ, которыя желаютъ видѣть въ основѣ всѣхъ человѣческихъ обществъ. Она подверглась многимъ медленнымъ измѣненіямъ, и жестокія потребности первобытнаго варварства заставили ее спуститься даже

ниже того состоянія, какое мы видимъ у животныхъ. Къ началу историческихъ временъ она едва вышла изъ своихъ наболѣе грубыхъ формъ.

Уже въ самое раннее время классической древности родственная связь съ отцомъ установлена, и въ основѣ семьи лежитъ прочная, неоспоримая власть отца и культъ предковъ. У нѣкоторыхъ народовъ, какъ, напр., у первобытныхъ Аріевъ, эта новая форма эволюціи была осуществлена даже еще въ доисторическія времена. Основываясь, какъ всегда, на языкѣ этого исчезнуващаго народа, мы видимъ, что всѣ родственныя связи были у него прочно установлены и степени родства: отца, матери, дяди, тетки и племянника, обозначались такъ же, какъ у насъ.

Почти всѣ народы, первыми появившіеся на аренѣ исторіи, прошли уже великій фазисъ эволюціи, состоящій въ переходѣ изъ матриархата въ патриархатъ. Уже не племя, а отецъ семьи сталъ соціальной единицей. Семья установлена уже очень прочно; мужъ ея абсолютный глава, будь она полигамной, или моногамной. Въ Римѣ власть мужа надъ женой была неограниченна; жена была рабой, которой законъ совершенно не занимался, надъ которой супругъ имѣлъ полное право жизни и смерти. Греческіе законодатели относились къ женщинѣ не мягче римскихъ и признавали за ней только обязанности, но не права. Въ большей части древнихъ цивилизацій отецъ семьи — абсолютный глава группы, состоящей изъ его женъ, дѣтей, законныхъ, естественныхъ или усыновленныхъ, рабовъ и всѣхъ болѣе или менѣе дальнихъ родственниковъ. Наболѣе совершеннымъ типомъ этой группы была римская курія; расширеніе этой древней семьи образуетъ кланъ среднихъ вѣковъ, вторую ступень соціальной эволюціи.

Изложенные нами общіе законы привели насъ къ порогу древняго очага и дадутъ намъ возможность понять его различныя формы, обычаи, суевѣрія, его странности и величіе въ нѣдрахъ древнихъ цивилизацій. Но мы ограничились здѣсь изложеніемъ лишь общихъ законовъ эволюціи

брака и семьи; мѣстныя потребности замѣтно измѣнили отъ одного народа къ другому быстроту и подробности этой эволюціи. Тѣмъ не менѣе, у всѣхъ народовъ мы находимъ сначала общее смѣшеніе, необходимо породившее родство черезъ женщинъ, затѣмъ полиандрію, ограниченную форму смѣшенія, и, наконецъ, полигамію или моногамію, вмѣстѣ съ которыми развиваются родство черезъ отца и патриархатъ въ томъ видѣ, въ какомъ онъ является предъ нами на зарѣ первыхъ цивилизацій.

Если-бы мы могли изучить бракъ и семью у всѣхъ первобытныхъ народовъ, мы увидѣли-бы, какъ многообразны обычаи, которые зависятъ отъ изложенныхъ нами общихъ законовъ. Мѣстныя потребности породили различныхъ народовъ обычаи, рѣзко противорѣчащіе нашимъ новѣйшимъ идеямъ, какъ бракъ между сестрой и братомъ, временные браки, супружскую вѣрность, нарушаемую съ легкостью, освященной обычаемъ, проституцію, практикующуюся только до дня замужества, чтобы дать возможность женщинѣ собрать приданое, какъ это водится до сихъ поръ еще въ Японіи и много другихъ особенностей.

Но каковы бы ни были различныя формы, которыя религіозныя или гражданскіе законы или простой обычай наложили на союзы между полами, одинъ общій фактъ встречается всюду, какъ у наиболѣе первобытныхъ дикарей, такъ и въ цивилизованныхъ обществахъ Греціи и Рима. всюду женщина разсматривается, какъ предметъ собственности, приобрѣтенный, какъ и другіе виды собственности, путемъ завоеванія, покупки или уступки. Она вещь своего хозяина, какъ его лошадь или оружіе, можетъ быть отдана въ наемъ, одолжена или продана. Эмансипація женщинъ—дѣло новѣйшихъ обществъ, и возможность ея даже не подозрѣвалась въ древнемъ мірѣ. У Грековъ и Римлянъ женщина была законной рабою главы семьи, который имѣлъ надъ нею тѣ же абсолютныя права, какъ и надъ животными и рабами. Въ болѣе цивилизованныя времена Греціи Платонъ трактуетъ о ней

съ такой же жестокостью, какъ и кодексъ Ману; онъ упрекаетъ древнихъ законодателей, Миноса и Ликурга, въ томъ, что они не установили общности владѣнія женщинами и утверждаетъ въ „Республикѣ“, что женщины должны переходить изъ рукъ въ руки. Мудрый Сократъ и добродѣтельный Платонъ находили вполне естественнымъ одалживать своихъ женъ друзьямъ. За исключеніемъ гетеръ, которыя, какъ и теперь въ Индіи, пользовались огромнымъ значеніемъ, потому что были единственными свободными и образованными женщинами, Греки, наиболѣе цивилизованный народъ древности, никогда не ставили женщинъ на болѣе высокую ступень, чѣмъ рабовъ. Только одни Египтяне считали женщину равной мужчинѣ. Во всѣхъ различныхъ формахъ союзовъ между полами, полиандріи, полигаміи или моногаміи, договоръ брака былъ всегда договоромъ рабства.

2. РАЗВИТІЕ ЯЗЫКА.

Все животныя, начиная съ насѣкомаго и кончая человѣкомъ, владѣютъ языкомъ, т. е. средствомъ сообщать другъ другу болѣе или менѣе совершенно свои впечатлѣнія и потребности. Двурукіе антропоиды имѣли, безъ сомнѣнія, языкъ, немногимъ разнящійся отъ языка нынѣшнихъ большихъ обезьянъ. Онъ удовлетворялъ ихъ потребностямъ. Обезьяны, дѣйствительно, умѣютъ превосходно уславливаться о похищеніи плодовъ изъ сада, посылать развѣдчиковъ, исполнять порученія своихъ начальниковъ. Другіе виды высшихъ животныхъ очень хорошо выражаютъ свои зачатки идей, желанія и потребности разнообразными звуками. Животныя не только понимаютъ другъ друга, но понимаютъ и насъ до нѣкоторой степени. Собаки могутъ понимать часть нашего языка. Эти примѣры, взятые изъ животного царства, и другіе, которые мы находимъ у дикарей, даютъ намъ право предположить, что языкъ также не изъятъ отъ дѣйствія закона эволюціи, господствующаго надъ всѣми проявленіями жизни матеріальной и интеллектуальной. Онъ слѣдуетъ за успѣхами человѣчества и постоянно находится въ пря-

момъ отношеніи къ нимъ. Параллельно съ развитіемъ идей, языкъ развивается, очищается и дѣлается болѣе сложнымъ. Это до того вѣрно, что даже въ наши дни языкъ у одного и того же народа измѣняется сообразно со степенью культурнаго развитія индивидуума, который его употребляетъ. Словарь каждаго человѣка ограниченъ уровнемъ его идей и способностей. Въ то время, какъ словарь ученаго состоитъ изъ нѣсколькихъ тысячъ словъ, запасъ словъ крестьянина состоитъ только изъ нѣсколькихъ сотенъ ихъ. Никто не можетъ похвастаться тѣмъ, что онъ понимаетъ и употребляетъ всѣ слова своего родного языка. Термины художественные, научные, техническіе свойственны каждому занятію и употребляются только людьми соотвѣтствующихъ специальностей. Чѣмъ больше расширяются знанія народа, тѣмъ больше обогащается его словарь. Но этотъ словарь, соотвѣтствующій всѣмъ интеллектуальнымъ потребностямъ народа, превосходитъ мѣру потребностей и способностей каждаго отдѣльнаго индивидуума, и всякій беретъ изъ него то, что ему необходимо, пренебрегая всѣмъ остальнымъ.

У первобытныхъ людей, умственное развитіе которыхъ едва превосходило умственное развитіе животныхъ, языкъ состоялъ изъ нѣсколькихъ нечленораздѣльных восклицаній и въ особенности изъ жестовъ. Жесты играютъ важную роль въ разговорахъ нынѣшнихъ дикарей. Они дополняютъ слова и часто замѣняютъ ихъ, когда разговаривающіе принадлежатъ къ племенамъ, говорящимъ на различныхъ діалектахъ. Чѣмъ болѣе развиваются и обогащаются языки, тѣмъ менѣе они нуждаются въ жестахъ. Тѣмъ не менѣе даже въ наше время нѣтъ ни одного языка, слова котораго были-бы столь многочисленны, чтобы выражать всѣ оттѣнки чувствъ и мысли безъ помощи жестовъ и модуляцій голоса. Иронія, сомнѣніе, нѣжность, гнѣвъ часто выражаются не столько словами, сколько интонаціями и жестами, подчеркивающими эти слова. Наравнѣ съ жестами, и удареніе служитъ тоже вспомогательнымъ

орудіемъ языка, приходитъ на помощь разговорному языку, когда послѣдній еще недостаточно развитъ. Въ Китаѣ одинъ и тотъ же слогъ, но произносимый 5—6 различными манерами, образуетъ 5—6 различныхъ словъ. Китайскій языкъ—единственный изъ языковъ цивилизованныхъ народовъ, который остался на низшей ступени развитія. Съ этой точки зрѣнія онъ представляетъ для насъ большую цѣнность, такъ какъ даетъ возможность возстановить опредѣленную фазу языка и въ то же время механизмъ перехода отъ этой фазы къ слѣдующей.

Такимъ образомъ, крики животныхъ, грубые языки нѣкоторыхъ дикарей, привычка послѣднихъ выражаться не столько словами, сколько жестами, показываютъ намъ, что, прежде чѣмъ былъ изобрѣтенъ членораздѣльный языкъ, первобытные люди общались другъ съ другомъ средствами очень простыми, соотвѣтствовавшими рѣдкости и наивности ихъ идей. Слоги сначала образовались изъ восклицаній и подражаній. Первый языкъ былъ односложнымъ. Мы видимъ его въ той манерѣ, какъ дитя начинаетъ говорить. Но маленькій ребенокъ имѣетъ то преимущество предъ первобытными людьми, что онъ слышитъ вокругъ себя уже сформированныя слова. Однако, если его ухо скоро привыкаетъ къ нимъ, то его языкъ менѣе скоро пріучается произносить ихъ. Даже когда онъ ясно слышитъ два слога, онъ воспроизводитъ только одинъ, и все, что онъ можетъ сдѣлать, это повторить два раза эхо послѣдняго. „Toto“ соотвѣтствуетъ у него слову „gâteau“, „rére“—слову „pouppée“. Если бы даже и не существовало теперь на землѣ моносиллабическаго языка, то языкъ дѣтей могъ-бы показать намъ, какова была первая фаза человѣческаго языка. Мы увидѣли-бы въ то-же время, что слогі эти были подражательными. Всѣ тѣ слогі, которыхъ ребенокъ не заучиваетъ, а изобрѣтаетъ самъ, звукоподражательные. Когда мы, примѣняясь къ его понятіямъ, называемъ собаку „гав-гав“ или птицу „кви-кви“, мы безсознательно заимствуемъ у

него слова, которые онъ первый изобрѣлъ. Наши изящные и утонченные языки сохранили много слѣдовъ этихъ первобытныхъ выраженій; слова: соq, соu-соu, cri-cri, tigitige и друг., образованы путемъ подражанія. Китайскій языкъ, о которомъ мы упомянули выше, остался на этой первой фазѣ, называемой моносиллабической, т.-е. односложной. Пятьсотъ основныхъ словъ, изъ которыхъ онъ приблизительно состоитъ, это пятьсотъ слоговъ. Какъ уже было указано, китайцы пополняютъ бѣдность своего языка различными интонаціями. Каждый слогъ можетъ произноситься пятью или шестью различными манерами, что дѣлаетъ столь труднымъ изученіе этого языка для иностранцевъ. За этой моносиллабической фазой слѣдуетъ фаза агглютинативная, т.-е. связующая, въ которой слоги группируются, соединяются для образованія новыхъ словъ или даже цѣлыхъ фразъ, но каждому изъ нихъ оставляется болѣе или менѣе его собственный смыслъ. Языки: японскій, турецкій, австралийскіе и американскіе нарѣчія находятся еще въ этой фазѣ. За ней слѣдуетъ фаза флексій. При комбинаціи слоговъ уничтожаются буквы и происходятъ сокращенія, измѣняющія ихъ; нѣкоторые, служа только приставками и подставками, теряютъ вполне свое значеніе, присоединяясь къ главному слогу, который часто сохраняетъ свое значеніе и называется корнемъ слова. Иногда корень самъ отклоняется отъ своего первоначальнаго значенія, и все цѣлое слово удалено отъ собственного смысла каждой изъ своихъ частей. Всѣ языки цивилизованныхъ народовъ индо-европейской расы: греческій, латинскій, испанскій, итальянскій, французскій, нѣмецкій, англійскій и др. — языки флексированные.

Но ни одинъ изъ нихъ не достигъ сразу этой высшей степени развитія. Они всѣ происходятъ отъ одного пра-языка, — арийскаго, который самъ происходитъ отъ низшихъ неизвѣстныхъ языковъ. „Съ перваго взгляда“, говоритъ выдающійся грамматистъ Брашетъ, „разстояніе меж-

ду латинскимъ языкомъ римскихъ крестьянъ и французскимъ Вольтера кажется огромнымъ; однако, чтобы сдѣлать одинъ другимъ, достаточно было бесконечно малыхъ измѣненій, продолжавшихся въ теченіе бесконечнаго времени“. Но французскій языкъ Вольтера имѣетъ связь не только съ языкомъ римскихъ крестьянъ, но и съ арийскимъ языкомъ равнинъ Центральной Азіи, моносиллабическимъ языкомъ какой-нибудь предшествующей расы и, еще дальше, съ горловыми восклицаніями первобытныхъ людей и криками животныхъ, отъ которыхъ онъ произошелъ посредствомъ „бесконечно малыхъ измѣненій въ теченіе бесконечнаго времени“. Въ китайскомъ языкѣ, примѣръ котораго такъ цѣненъ для изученія эволюціи языка, можно констатировать переходъ отъ первой фазы ко второй; этотъ языкъ стремится стать агглютинативнымъ, но такъ какъ онъ очень рано былъ закрѣпленъ письменностью, то его измѣненіе можетъ совершаться только съ крайней медленностью. Ничто не мѣняется такъ быстро, какъ языкъ, когда письменность неизвѣстна или мало развита у тѣхъ, кто на немъ говоритъ. Лучшимъ доказательствомъ этому служитъ измѣненіе нарѣчій (patois) отъ одной деревни къ другой въ невѣжественныхъ странахъ, какъ, напр., въ Бретани.

Такъ какъ всѣ успѣхи умственного развитія и работы человѣчества идутъ, болѣею частью, параллельно, то изобрѣтеніе письменности почти всюду совпадаетъ съ опредѣленнымъ состояніемъ разговорнаго языка. Оно рѣдко предшествуетъ агглютинативной фазѣ. Всюду слѣдствіемъ его является остановка въ развитіи языка, который оно дѣлаетъ неподвижнымъ на точкѣ, уже имъ достигнутой. Вотъ почему мы можемъ констатировать существованіе моносиллабическихъ или агглютинативныхъ языковъ у народовъ, достигшихъ въ другихъ отношеніяхъ высокой степени цивилизаціи.

Писанный языкъ имѣетъ такъ-же различныя, отличительныя фазы, какъ и разговорный языкъ. Сначала онъ подражалъ предметамъ внѣшняго міра, какъ разговор-

ный подражалъ сначала крикамъ и звукамъ. Грубыя фигуры медвѣдя и сѣвернаго оленя, открытыя на костяхъ мамонта, восходящихъ къ эпохѣ грубыхъ каменныхъ орудій, могутъ быть разсматриваемы, какъ начатки письменности, подобно тому, какъ нечленнораздѣльные восклицанія дикарей разсматриваются, какъ начатки языка. Вначалѣ письменность представляла контуры предметовъ; они сокращались, указывая иногда только часть контура; эти линіи еще болѣе упрощались и получались изображенія, болѣе или менѣе удаленныя отъ ихъ образцовъ, каковыми были гіероглифы. По мѣрѣ того, какъ обозначали опредѣленнымъ знакомъ предметъ, названіе котораго произносилось опредѣленнымъ образомъ, достигли того, что знакъ разсматривался болѣе какъ изображеніе звука слова, чѣмъ какъ изображаемый предметъ и, такимъ образомъ, приблизились къ фонетической письменности. Фонетическое письмо употреблялось сначала только для отвлеченныхъ словъ, которыя невозможно было представить въ видѣ изображенія, даже основываясь на аналогіи. Глаголы, чисто моральныя качества, мѣстоименія изображались фонетически среди другихъ общихъ словъ, обозначаемыхъ сходными изображеніями. Таково было состояніе письменности въ Египтѣ при началѣ исторіи. Наконецъ, за звуками, разложенными на свои первобытные элементы, утвердились обозначенія, соотвѣтствующія каждому изъ этихъ элементовъ; изъ комбинаціи этихъ элементовъ образовывались слова: это было алфавитное письмо, изобрѣтенное финикіянами.

Три фазы письменности: идеографическая, фонетическая и алфавитная, если не соотвѣтствовали всюду тремъ фазамъ языка: моносиллабической, агглютинативной и флексирующей, показываютъ, по крайней мѣрѣ, что великій законъ послѣдовательной эволюціи господствуетъ, какъ надъ той, такъ и надъ другимъ. Только тогда, когда народъ довелъ свой разговорный языкъ и письменность

до высокой степени развитія, онъ можетъ считаться очень цивилизованнымъ народомъ.

Изъ предыдущаго мы легко видимъ, что языкъ есть одинъ изъ элементовъ, посредствомъ которыхъ можно лучше всего возстановить состояніе цивилизаціи народа. Но тѣмъ не менѣе можно встрѣтить возраженіе, что часто мы видѣли народы, которые оставляютъ свой родной языкъ, чтобы выучиться другому, совершенно отличному. Послѣ всѣхъ завоеваній языкъ побѣдителя смѣшивается съ языкомъ побѣжденнаго, и одинъ изъ нихъ беретъ перевѣсъ надъ другимъ. Это совершенно вѣрный фактъ, но онъ не противорѣчитъ вышеизложенному положенію, а подтверждаетъ его. Если въ самомъ дѣлѣ языкъ народа указываетъ уровень его эволюціи, то вѣрно, что этотъ народъ не можетъ усвоить чужого языка, не измѣнивъ его всецѣло. А именно это всегда и наблюдается. Латинскій языкъ заставилъ Галловъ забыть свой старый кельтическій, но латинскій языкъ, на которомъ говорили немного спустя послѣ завоеванія, почти не походилъ на латинскій языкъ Virgilія и Горация. Если мы сравнимъ страсбургское нарѣчіе, т.-е. испорченный латинскій языкъ потомковъ Карла Великаго, съ рѣчью Цицерона, мы увидимъ, что одинъ изъ нихъ представляетъ грубый памятникъ варварской эпохи, въ то время, какъ другой есть нѣжный цвѣтокъ высокой цивилизаціи, превосходнаго литературнаго вкуса и высокой умственной культуры. Для того, чтобы на берегахъ Сены говорили языкомъ, который стоилъ бы языка Катилинарія, потребовалось, чтобы протекли сотни лѣтъ и явились писатели вѣка Людовика XIV, т.-е. поколѣніе, умственное, нравственное и художественное развитіе котораго достигло бы той-же степени, какъ и у современниковъ Августа.

Галлы, заимствуя латинскій языкъ, заняли изъ него только то, что соотвѣтствовало ихъ идеямъ, образу чувствованія и пониманія; они передѣляли его по своему, и это случается постоянно всякій разъ, какъ одинъ

народъ оставляетъ свой собственный языкъ, чтобы говорить на другомъ. Форма платья мѣняется, но матерія остается та же. Когда двѣ расы, а слѣдовательно и два языка находятся въ близкомъ соприкосновеніи, то наиболѣе развитой стремится стать господствующимъ. Но, повторяемъ еще разъ, низшій народъ, заимствуя высшій языкъ, только приспособляетъ его къ своимъ потребностямъ и степени своего умственного развитія. Когда грубые люди сѣвера поселились въ Нормандіи, хотя въ качествѣ побѣдителей, они усвоили языкъ побѣжденныхъ вслѣдствіе превосходства этого языка надъ своимъ собственнымъ, но видоизмѣнили его сообразно своимъ потребностямъ. Если два народа, находящіеся въ близкомъ соприкосновеніи, достигли одного и того-же уровня развитія, то языки ихъ смѣшиваются между собою. Такъ возникъ индостани, поистинѣ всеобщій языкъ современной Индіи, хотя его существованіе продолжается не болѣе 300 лѣтъ. Онъ образовался въ дѣйствительности изъ простаго сліянія языка, происшедшаго отъ санскритскаго, на которомъ говорили на сѣверѣ Индіи въ эпоху монгольскаго завоеванія, съ персидскимъ, видоизмѣненнымъ примѣсъю арабскихъ словъ, на которомъ говорили завоеватели.

Народъ измѣняетъ не только заимствованный языкъ, чтобы примѣнить его къ своимъ умственнымъ потребностямъ, но также изо дня въ день и свой собственный. Въ дѣйствительности, его собственный языкъ слѣдуетъ постоянно за его умственнымъ развитіемъ, выраженіемъ котораго служитъ языкъ. По мѣрѣ того, какъ развиваются идеи, очищается языкъ. Для того, чтобы выразить новыя понятія, изобрѣтаютъ новыя слова; чтобы представить оттѣнки болѣе нѣжныхъ чувствъ, придумываютъ изящныя обороты рѣчи.

Если преобладающую роль играетъ воображеніе, создается огромное количество поэтическихъ терминовъ и пышныхъ метафоръ; если складъ ума народа болѣе науч-

ный, языкъ его изобилуетъ техническими терминами; если умъ дѣятеленъ и точенъ, фразы сжаты, если бездѣятеленъ и мечтателенъ, онѣ удлиняются тысячу оборотовъ. Въ заключеніе мы можемъ сказать, что языкъ есть зеркало идей и успѣховъ расы, что народъ всегда можетъ говорить только на языкѣ, приспособленномъ къ его потребностямъ и что языки могутъ служить для изслѣдованія на протяженіи вѣковъ медленной эволюціи человѣчества.

ГЛАВА IV.

Развитіе культа, морали и права*).

1. Развитие культа.

Культъ, какъ и всѣ другія явленія жизни человѣчества, въ своемъ развитіи прошелъ черезъ послѣдовательныя фазы, пока не достигъ своего высшаго выраженія въ христіанской религіи. Въ дальнѣйшемъ изложеніи мы будемъ касаться только эпохъ предшествующихъ явленію и распространенію этой послѣдней.

Изученіе печальнаго зрѣлища, какое являютъ намъ дикія суевѣрія и грубыя формы вѣрованій этихъ первыхъ періодовъ развитія религіозной мысли человѣчества, можетъ, по мнѣнію Леббока, „представить для религіознаго ума нѣкоторое чувство удовольствія, такъ какъ вмѣстѣ съ тѣмъ онъ можетъ наблюдать постепенное развитіе болѣе правильныхъ воззрѣній и болѣе человѣчныхъ вѣрованій“.

Прежде всего нашему вниманію представляется вопросъ: предшествуетъ-ли развитіе религіознаго чувства явленію религій или, наоборотъ, оно является результатомъ послѣднихъ? Для правильнаго рѣшенія этого вопроса нужно установить опредѣленно, что мы будемъ разумѣть подъ словомъ „религія“ по отношенію къ этимъ отдаленнымъ эпохамъ. Первоначально слово „религія“ означало исключительно отношеніе человѣка къ какому-нибудь духу или міру духовъ, находящихся внѣ его; ны-

*) Настоящая глава составляетъ не буквальный переводъ, а изложеніе, при которомъ я пользовался, кромѣ переводимаго сочиненія Ле-Бона, еще слѣдующими источниками: 1) Леббокъ. „Начала цивилизаціи“, 2) Тайлоръ. „Первобытная культура“, 3) Линпертъ. „Исторія культуры“, 4) Коллинсъ. „Философія Герберта Спенсера“ и 5) Коркуновъ. „Лекціи по общей теоріи права“.

Примѣч. переводчика.

нѣ же религія обнимаетъ все міросозерцаніе человѣка. Сообразно съ этимъ основнымъ различіемъ двухъ крайнихъ моментовъ въ развитіи религій изслѣдователь можетъ придти къ совершенно противоположнымъ выводамъ. Исходя изъ перваго взгляда, нѣкоторые изслѣдователи находили, что на земномъ шарѣ существовали и существуютъ народы, не обладающіе даже зачатками религіи, а только суевѣріями, не имѣющими между собою никакой связи, не составляющими никакой системы; тѣ же изслѣдователи, которые понимали религію болѣе широко, находили, что нѣтъ народа, стоящаго на такой низкой ступени развитія, чтобы въ его мышленіи отсутствовали всякіе религіозные элементы, хотя бы и въ самой грубой формѣ. Съ этой двойственной точкой зрѣнія Линперта согласенъ и Леббокъ. „Существуютъ такія человѣческія расы, которыя вовсе не имѣютъ религіи. Въ дѣйствительности вопросъ о повсемѣстномъ существованіи религіи въ человѣчествѣ является вопросомъ опредѣленія даннаго слова. Если простое ощущеніе страха и признаніе того, что, вѣроятно, есть нѣкоторыя другія существа могущественнѣе человѣка, можно считать религіей, то въ такомъ случаѣ, мы, конечно, должны допустить, что религія свойственна всему человѣчеству. Но когда дитя пугается темноты и убѣгаетъ изъ неосвѣщенной комнаты, мы никогда не считаемъ этого за проявленіе религіознаго чувства“.

Жизнь дикаря до того сосредоточивается почти исключительно на заботахъ о насущномъ пропитаніи, которыя требуютъ затраты всѣхъ его усилій, что онъ не имѣетъ никакой возможности заниматься отвлеченными вопросами. Однако, по мнѣнію Ле-Бона, религіозное чувство предшествовало развитію религіи. Это утвержденіе является результатомъ смѣшенія первобытной религіи съ суевѣріями, почти повсемѣстно существующими у дикарей. Онъ указываетъ на австралійцевъ и африканскіе народы, среди которыхъ существуютъ племена, не имѣющія никакого божества, но вмѣстѣ съ тѣмъ вѣрующія въ духовъ, талисманы, злую волю силъ природы.

Ети суевѣрія не можуть быть названы религією въ собственномъ смыслѣ слова, такъ какъ въ нихъ отсутствующа связь, система, эти необходимые элементы религіи. По справедливому замѣчанію Леббока, такъ называемыя религіи низшихъ расъ по отношенію къ высшимъ формамъ религіи занимаютъ почти такое же мѣсто, какъ астрологія по отношенію къ астрономіи, или алхимія—къ химіи. Божества низшихъ расъ—злыя существа, которыхъ можно силою заставить угождать желаніямъ человѣка, требующія кровавыхъ и даже человѣческихъ жертвъ, существа смертныя, являющіяся частью природы, а не творцами ея; чтобы приблизиться къ нимъ, нужны пляски, а не молитвы, и часто имъ болѣе нравится то, что мы называемъ пороками, а не то, что мы считаемъ добродѣтелями. Такія черты совершенно противоположны нашимъ понятіямъ о единомъ, верховномъ, невидимомъ Существѣ, источникѣ всей жизни.

Человѣчество должно было пройти длинный путь, чтобы возвыситься до такихъ высокихъ понятій. Обыкновенно фазы развитія культа сводятся къ тремъ крупнымъ періодамъ: *фетишизму*, *политеизму* и *монотеизму*. Въ первомъ періодѣ анимизмъ, т. е. стремленіе человѣка одушевлять все то, что находится внѣ его, приписывать всему существующему жизнь, подобную своей, съ ея функціями и потребностями, страстями и желаніями, охватывать все большее и большее количество предметовъ; дикарь сообщаетъ свои идеи, чувства, волю камнямъ, кускамъ дерева, животнымъ,—все это становится предметомъ поклоненія, что и устанавливаетъ фетишизмъ. Во второмъ періодѣ умъ человѣческій немного проясняется и анимизмъ суживается и возвышается; обоготворяютъ уже только великія силы природы и воображаютъ въ каждой изъ нихъ существо реальное, невидимое, которое ею владѣетъ и направляетъ; такимъ образомъ приближаются къ *политеизму*. Великія религіи третьяго періода исходятъ изъ совершенно другого источника, болѣе возвышеннаго и духовнаго.

Таково мнѣніе Ле-Бона. Другіе изслѣдователи, какъ, напр., Липпертъ, а въ особенности Леббокъ, хотя и исходятъ изъ подобной же точки зрѣнія, но въ развитіи культа, особенно въ томъ періодѣ, который Ле-Бонъ называетъ *фетишизмомъ*, усматриваютъ много отдѣльныхъ рѣзко выраженныхъ стадій, а подъ фетишизмомъ разумѣютъ одну изъ этихъ стадій съ опредѣленнымъ характеромъ предметовъ поклоненія. По Леббоку критеріемъ для классификаціи стадій развитія религіи должно служить не качество предметовъ поклоненія, а самое воззрѣніе на божество. Первые большія стадіи религіознаго мышленія должны были, по его мнѣнію, слѣдовать въ такомъ порядкѣ: *атеизмъ*, т. е. отсутствіе какихъ бы то ни было опредѣленныхъ понятій о божествѣ; *фетишизмъ*—такое религіозное состояніе, когда человѣкъ полагаетъ, что онъ можетъ принудить божества угождать его желаніямъ; *тотемизмъ*—поклоненіе предметамъ природы: деревьямъ, озерамъ, камнямъ, животнымъ и т. д.; *шаманизмъ*—фаза, въ которой высшія божества гораздо могущественнѣе человѣка и различны отъ него по своей природѣ, имѣютъ мѣстопребываніе, удаленное отъ человѣка и доступное только шаманамъ; *идолопоклонство или антропоморфизмъ*, когда боги, по своимъ свойствамъ ближе подходятъ къ человѣку, но гораздо могущественнѣе его, когда на нихъ еще можно дѣйствовать убѣжденіемъ и воспроизводить въ изображеніяхъ или въ формѣ идоловъ. Въ слѣдующей затѣмъ ступени на божества смотрятъ уже не какъ на часть природы, а какъ на творцовъ ея; здѣсь божество впервые становится дѣйствительно сверхъестественнымъ существомъ. Послѣдняя ступень есть та, въ которой религія соединяется съ нравственностью.

Основу религіи дикарей, по мнѣнію Тайлора и другихъ изслѣдователей, составляетъ анимизмъ. Онъ обнимаетъ собою вѣру въ управляющія божества и подчиненные имъ духи, душу и въ будущую жизнь—вѣрованія, которыя переходятъ на практикѣ въ дѣйствительное покло-

неніе. Мы встрѣчаемъ на низшихъ ступеняхъ культуры глубоко укоренившееся представленіе о призрачной душѣ, которая оживляетъ человѣка, пока она находится въ его тѣлѣ, и которая является во снѣ или видѣніяхъ, когда покидаетъ послѣднее. Дикари придерживались этой теоріи на основаніи показаній своихъ собственныхъ чувствъ и истолковывали эти показанія наиболѣе разумными и понятными для нихъ теоріями. У нихъ общее понятіе о душахъ выработано съ замѣчательной широтой и послѣдовательностью. Души признаются у животныхъ, у деревьевъ и растений, наконецъ, у неодушевленныхъ предметовъ. Эта теорія находится въ тѣсной зависимости и, быть можетъ, даже прямо происходитъ отъ сна и сновидѣній. Сонъ и смерть считались родственными между собою. Дикарь естественно долженъ былъ видѣть въ смерти нѣчто въ родѣ сна и могъ ожидать, что его другъ проснется отъ этого сна, какъ просыпается отъ обыкновеннаго. Во время сна тѣло остается безжизненнымъ, и дикарь дѣлаетъ естественное заключеніе, что духъ оставилъ его. Въ этомъ убѣждаютъ его явленія сновидѣній. Во время сна духъ какъ будто оставляетъ тѣло, и такъ какъ во снѣ мы посѣщаемъ другія мѣста и даже другіе міры, живя какъ бы совершенно иной, отдѣльной жизнью, то нѣтъ ничего удивительнаго, что эти два явленія представляются дополненіемъ другъ друга. Вслѣдствіе того, событія, представляющіяся ему во снѣ, дикарь считаетъ столько же дѣйствительными, какъ и тѣ, которыя происходятъ на яву, и вслѣдствіе того же у него составляется убѣжденіе, что въ немъ живетъ духъ, могущій оживлять тѣло. Когда дикарь видитъ во снѣ своихъ умершихъ друзей или родственниковъ, онъ твердо вѣритъ, что это приходящія къ нему души этихъ послѣднихъ и отсюда составляетъ убѣжденіе если не о безсмертіи души, то о способности ея переживать тѣло. Дикари почти всегда считаютъ духовъ злыми существами. Это можно объяснить, по мнѣнію Леббока тѣмъ, что у дикарей всякое постороннее лицо, а

позже членъ чужого племени естественно и почти неизбежно считается врагомъ; то же относится и къ духамъ, какъ членамъ нѣкотораго невидимаго чуждаго племени. Боясь этихъ духовъ, дикарь не считаетъ ихъ могущественнѣе и мудрѣе человѣка. Такъ, негры Гвинейцы бьютъ своихъ фетишей, если тѣ не угрождаютъ ихъ желаніямъ и, собираясь совершить что-нибудь, чего стыдятся сами, прячутъ ихъ подъ платье, чтобы фетишъ не могъ видѣть происходящаго. Даже у грековъ и римлянъ смертные могли брать перевѣсъ надъ богами, которые часто представлялись слабѣе людей нравственно и физически.

Изъ этой теоріи духовъ возникло замѣчаемое повсемѣстно обыкновеніе заботиться о душахъ умершихъ. Первобытный человѣкъ не знаетъ еще никакой другой, невидимо дѣйствующей силы, кромѣ той, которая исходитъ отъ души умершихъ и, благодаря этой ограниченности своего опыта, онъ и въ области духовъ знаетъ только души своихъ ближайшихъ родственниковъ, отъ которыхъ онъ при жизни находился въ извѣстной зависимости. Поэтому, всякую боль или несчастіе, неизмѣющія видимыхъ причинъ, онъ приписываетъ дѣятельности одного изъ родственниковъ ему духовъ. Духъ можетъ причинить живому человѣку болѣзнь, или даже убить его. Вообще духъ умершаго обладаетъ гораздо большимъ могуществомъ, чѣмъ духъ, связанный съ тѣломъ, можетъ свободно носиться по воздуху и причинять людямъ всякій вредъ. Вредъ этотъ души причиняютъ человѣку, когда они имъ недовольны, если ощущаютъ въ чемъ-нибудь недостатокъ, происходящій отъ того, что человѣкъ недостаточно заботится о нихъ. Для избѣжанія такихъ бѣдъ онъ долженъ былъ остерегаться, какъ-бы не упустить или не измѣнить чего-нибудь при исполненіи унаслѣдованныхъ имъ обязанностей по отношенію къ душамъ умершихъ. Отсюда и возникъ культъ поклоненія тѣнямъ усопшихъ, сохранившійся и въ болѣе позднее время въ видѣ „культа предковъ“.

Какъ только человѣкъ сталъ размышлять о состояніи своей души, онъ долженъ былъ составить себѣ понятіе, что духъ можетъ соединяться, кромѣ человѣческаго тѣла, съ другими тѣлами и предметами. Такое несложное представленіе легло въ основаніе цѣлаго круга идей, извѣстнаго подъ именемъ „фетишизма“. Слово это впервые явилось у португальцевъ Западной Африки и, заимствованное оттуда, сдѣлалось общеупотребительнымъ въ наукѣ. Фетишизмъ обыкновенно опредѣляютъ, какъ поклоненіе матеріальнымъ субстанціямъ, но, по мнѣнію Леббока, это опредѣленіе не можетъ служить характеристикой его. Фетишизмъ вовсе не является какой-либо формой поклоненія. Негръ вѣрить, что при посредствѣ своего фетиша онъ можетъ дѣйствовать на свое божество и управлять имъ, что обладаніе фетишемъ, представляющимъ духа, подчиняетъ ему самого духа. Фетишъ не можетъ въ собственномъ смыслѣ слова быть названъ идоломъ: идолъ—предметъ поклоненія, а назначеніе фетиша состоитъ въ томъ, чтобы давать человѣку власть надъ божествомъ. Фетишемъ можетъ служить любой предметъ: камни, деревья, животныя, чаще всего змѣя, у персовъ—собака и пѣтухъ, у сѣверныхъ народовъ—волкъ и медвѣдь, у жителей Аттики—сова, вообще у всѣхъ людей—воронъ, а также и обыкновенные неодушевленные предметы. При существованіи такихъ представленій не трудно было каждому животному въ извѣстномъ, хотя бы единичномъ случаѣ, прослыть за мѣстопробываніе духа обыкновеннаго человѣка или даже бога. У сѣверныхъ индѣйцевъ былъ обычай считать кого-либо изъ окружавшихъ ихъ животныхъ фетишемъ, въ который переходитъ духъ ихъ предковъ. Тогда это животное считалось „тотемомъ“ племени. Леббокъ считаетъ это отдѣльной стадіей, называемой имъ тотемизмомъ, въ которой дикарь присоединяетъ къ фетишизму вѣрованія въ существо высшаго и менѣе матеріальнаго характера. Здѣсь тоже все можетъ быть предметомъ поклоненія, но не считается уже возможнымъ управлять высшими божествами посредствомъ колдовства.

Такимъ образомъ, несложныя представленія дикарей могли развиваться только въ ученіе о душѣ. Вначалѣ, когда человѣкъ наблюдалъ только самого себя и органы своего тѣла, одушевляемые какой-то невидимою силою, онъ создалъ себѣ только представленіе о какомъ-то невидимомъ существѣ, носителѣ этой силы. Впослѣдствіи, когда онъ увидѣлъ себя членомъ организаци, повинующимся только одной какой-то волѣ, онъ получилъ представленіе о духѣ, парящемъ надъ такой организаціей, о духѣ—божествѣ, о могущественномъ правящемъ духѣ.

По понятіямъ человѣка, опытъ котораго еще не столь великъ, существуетъ безчисленное множество духовъ, какъ на землѣ, такъ и подъ нею. Среди нихъ выдѣляются божества семействъ, племенъ, народовъ, государствъ, которыя и пользуются различнымъ почетомъ. Всѣ они вмѣстѣ образуютъ пантеонъ политеизма. Каждый изъ этихъ боговъ имѣетъ свою исторію, т. е. исторію той религіозной общины, которая и является носителемъ даннаго представленія о божествѣ. Вмѣстѣ съ этой общиной могущество божества возвышается до громадныхъ размѣровъ, но точно также низвергается во мракъ преисподней, когда община падаетъ. Отъ духовъ это божество отличается превосходствомъ своей силы и могуществомъ. — Сознвая, что всѣ явленія его внѣшней жизни суть проявленія дѣятельности духовъ, человѣкъ по аналогіи долженъ былъ придти къ заключенію, что и тамъ, куда не простираются человѣческія отношенія, невидимой причиной явленій должно быть существо, подобное духу. Такимъ образомъ, вся природа одухотворялась и оживлялась присутствіемъ духовъ. Но въ его сознаніи еще отсутствуетъ представленіе о связи явленій; увеличивая свой запасъ наблюденій и знаній, человечество дошло до понятія о цѣломъ, до познанія высшаго единства причинъ, дѣйствующихъ, повидимому, независимо другъ отъ друга. Оно стало искать причины всѣхъ причинъ. Отвѣтомъ на это явилось монотеистическое міросозерцаніе.

Въ связи съ теоріей духовъ легко объясняются всѣ явленія, сопровождающія культъ: колдовство, гаданіе, пляски и жертвоприношенія. Всѣ они имѣли связь съ духами, путемъ ихъ старались узнать намѣренія духовъ и умиловити эти существа, считавшіяся почти всегда злыми.

2. Развѣтіе нравственности.

Нравственное чувство появляется въ насъ только послѣ долгихъ вѣковъ наслѣдственности и въ своемъ развѣтіи подчиняется такимъ-же постепеннымъ измѣненіямъ, какъ языкъ, идеи и учрежденія человѣка. Оно достигаетъ высшаго расцвѣта только съ появленіемъ религій, имѣющихъ въ своей основѣ нравственность, т.-е. религій монотеистическихъ, въ особенности христіанства. Въ предшествующіе періоды религія не была благоприятнымъ факторомъ для развѣтія нравственности, такъ какъ божествами дикихъ и варварскихъ народовъ были существа злыя, мстительныя, требующія для своего умиловитія жертвъ, даже человѣческихъ. Такія божества, какъ Молохъ, во имя котораго матери клали дѣтей на раскаленные руки идола, или Кришна, требующій, чтобы цѣломудренныя индіянки отдавались жрецамъ, были божествами поистинѣ очень слабой нравственности. Религія и нравственность тѣсно связаны между собою, по мнѣнію Леббока, только съ тѣхъ поръ, какъ религіозныя вѣрованія стали нравственными, когда божества стали считаться существами благодѣтельными.

Кантъ, Кондорсэ, Бокль и другіе выдающіеся мыслители полагали, что мораль всѣхъ народовъ одинакова и остается неизмѣнною во всѣ вѣка. Но новѣйшіе изслѣдователи исторіи цивилизаціи человѣчества, основываясь на подробномъ и всестороннемъ изученіи быта и идей нынѣ живущихъ дикарей, отвергаютъ это мнѣніе. Изученіе низшихъ человѣческихъ расъ приводитъ къ заключенію, что онѣ лишены чувства справедливости, что могутъ существовать расы, совершенно лишены нравственнаго чувства. Нравственное чувство

развивается и распространяется вмѣстѣ съ постепеннымъ развѣтіемъ расы.

Отзывы почти всѣхъ путешественниковъ и миссіонеровъ сходятся въ томъ, что дикари лишены пониманія различія между тѣмъ, что мы называемъ добромъ и зломъ. „Совѣсти не существуетъ въ Восточной Африкѣ“, рассказываетъ Бертонъ, „а раскаяніе тамъ есть только сожалѣніе объ упущенномъ случаѣ совершить какое-нибудь кровавое преступленіе. Разбойничество даетъ право на уваженіе, убійство дѣлаетъ человѣка героемъ, и тѣмъ скорѣе, чѣмъ оно ужаснѣе“. Гальбретъ, прожившій долгое время среди сіуковъ Сѣверной Америки, говоритъ, что „они въ высшей степени отличаются изувѣрствомъ, варварствомъ и суевѣріемъ, на большинство пороковъ смотрятъ, какъ на добродѣтели; воровство, поджигательство, грабежъ и убійство имѣютъ у нихъ значеніе средствъ къ отличію, а молодыхъ людей учатъ съ дѣтства смотрѣть на убійство, какъ на величайшую изъ добродѣтелей“. Съ идеей убійства, грабежа, насилія дикарь не соединяетъ идеи о преступленіи, а смотритъ на эти поступки, какъ на проявленіе силы, которая одна только естественнымъ образомъ господствуетъ среди нихъ и вызываетъ уваженіе. Обычай, общій всѣмъ дикимъ народамъ и очень распространенный въ древности—убивать своихъ престарѣлыхъ родителей, чтобы избавить ихъ отъ немощей старости, а еще скорѣе, чтобы освободиться отъ бесполезныхъ ртовъ, былъ даже освященъ религіозной санкціей: жертвоприношеніе совершалось съ большою торжественностью и заканчивалось пиромъ. Въ нашихъ кодексахъ даже не существуетъ спеціальнаго закона, предупреждающаго такое преступленіе, такъ какъ нравственное чувство современнаго человѣка не можетъ допустить и идеи о такомъ преступленіи; наоборотъ, во всѣхъ нашихъ кодексахъ существуетъ статья, согласно которой дѣти обязаны заботиться о своихъ родителяхъ, когда тѣ становятся неспособ-

ними добывать себѣ пропитаніе. Какой путь должно было пройти нравственное чувство человѣка, чтобы достигнуть состоянія, совершенно противоположнаго первобытному!

Факторы развитія нравственности чрезвычайно многочисленны, а большинство изъ нихъ относится къ области самой тонкой психологіи, такъ что при современномъ состояніи нашихъ знаній еще невозможно въ точности установить тотъ путь, который прошло нравственное чувство, поднимаясь отъ грубыхъ инстинктовъ дикаря до высокой нравственности современнаго человѣка. Однако, можно указать главные факторы и черты развитія нравственности. Эти факторы сводятся къ слѣдующимъ: польза, общественное мнѣніе, среда, душевные аффекты и наслѣдственность; дальнѣйшее развитіе нравственности опредѣлялось религіей, которая доставила ей торжество въ мірѣ. По мнѣнію Ле-Бона, нравственность развивается вмѣстѣ съ развитіемъ общественной жизни и устанавливается вполнѣ только тогда, когда наслѣдственность прочно вселить ее въ наше сердце и дать ей могущество инстинкта. Изъ всѣхъ перечисленныхъ факторовъ онъ считаетъ самымъ могущественнымъ пользу, какъ высшее понятіе, касающееся всего общества и внушающее преданность индивидуума общему благу. Чѣмъ болѣе расширяется общество, тѣмъ болѣе расширяются и получаютъ значеніе обязанности человѣка по отношенію къ другимъ. Мы видимъ очень рано людей, соединенныхъ между собой вслѣдствіе слабости въ группы, чтобы лучше бороться противъ опасностей всякаго рода, представляющихся со стороны природы или себѣ подобныхъ. Взаимныя услуги, оказываемыя членами этихъ маленькихъ первобытныхъ обществъ другъ другу, породили взаимныя обязанности. Не много времени потребовалось для того, чтобы замѣтить, что тамъ, гдѣ царитъ безпорядокъ, общество не можетъ существовать, и что группы, раздираемыя внутренними усобицами, погибаютъ. Уже даже при жестокихъ распряхъ болѣе не обращаются другъ

съ другомъ, какъ съ непріятелемъ, а начинаютъ уважать жизнь себѣ подобнаго, по меньшей мѣрѣ жизнь взрослога и сильнаго, которая можетъ быть полезна, хотя жизнь женщинъ, дѣтей и стариковъ, которые служатъ бременемъ, въ теченіе долгаго времени почиталась за ничто. Въ то же время начали почитать собственность, такъ какъ несправедливости и кражи вызывали опасныя стычки. Начинаетъ организоваться грубая мораль.

Общественное мнѣніе уже очень рано стало создавать нѣкоторыя идеи о чести, патриотизмѣ, любви къ славѣ или общинѣ, которыя значительно развились уже въ наиболѣе древнихъ цивилизаціяхъ. Справедливые или ложные, приговоры общественнаго мнѣнія были болѣе могущественны, чѣмъ кодексы. Когда идея безславія связывалась съ опредѣленными дѣяніями, эти дѣянія начинали исчезать гораздо скорѣе, чѣмъ подъ угрозой закона. Общественное мнѣніе столь-же могущественно теперь, какъ и нѣкогда. Мы видимъ, что противъ нѣкоторыхъ проступковъ, какъ, наприм., прелюбодѣянія, дуэли, безсильны и законы, и мораль, и религія, такъ какъ общественное мнѣніе не осуждаетъ ихъ. Оно имѣетъ такую силу, что преобразовываетъ мораль и право, тогда какъ послѣднія не имѣютъ никакого вліянія на него. Когда на опредѣленной точкѣ общественное мнѣніе остается тѣмъ-же въ продолженіе нѣсколькихъ поколѣній, наслѣдственность стремится утвердить его неразрушимымъ образомъ въ душахъ. Безсознательное воздѣйствіе общественнаго мнѣнія на мораль въ теченіе большого количества вѣковъ совершалось инстинктивно. Въ Индіи существуютъ племена дикарей, у которыхъ ложь такъ осуждалась въ теченіе вѣковъ общественнымъ мнѣніемъ, что она стала неизвѣстной, и слово этихъ дикарей никогда не находится подъ сомнѣніемъ. Для другихъ племенъ воровство такъ страшно, что дикарь скорѣе умретъ возлѣ запасовъ пищи, ввѣренныхъ ему, чѣмъ осмѣлится къ нимъ притронуться. Самый хищный арабъ подвергнется сотни разъ

смерти, чтобы защитить своего гостя, даже врага. Эти чувства, порождения и поддерживаемые общественным мнѣніемъ, утвердились благодаря наслѣдственности до такой степени, что стали инстинктивными; разумъ имѣетъ на нихъ мало вліянія. Говоря строго, нравственность индивидуума или расы становится только тогда прочною, когда дѣлается вполнѣ инстинктивной. Нравственность представляетъ наслѣдіе долгаго прошлаго, непрерывное эхо голосовъ, предковъ. — Гербертъ Спенсеръ также утверждаетъ, что „нравственныя интуиціи суть результаты накопленныхъ опытовъ полезности; постепенно организуясь и переходя по наслѣдству, онѣ сдѣлались, наконецъ, совершенно независимыми отъ сознательнаго опыта. Опыты полезности, организовавшіеся и закрѣпившіеся въ теченіе всѣхъ предшествовавшихъ поколѣній человѣческаго рода, произвели соотвѣтственныя нервныя видоизмѣненія, и эти видоизмѣненія, постоянно передаваясь и накапливаясь, стали, наконецъ, въ насъ особыми способностями нравственной интуиціи, извѣстными эмоціями, вызываемыми справедливымъ и несправедливымъ образомъ дѣйствій, не имѣющими видимой основы въ индивидуальныхъ опытахъ полезности“. Съ этимъ мнѣніемъ не вполнѣ согласны другіе изслѣдователи. Нѣкоторые смотрятъ на нравственное чувство, какъ на совершенно инстинктивное, какъ на первоначальный инстинктъ, присущій человѣческой душѣ. Леббокъ не согласенъ ни съ однимъ изъ этихъ мнѣній. Въ настоящее время, говоритъ онъ, нравственныя чувства интуитивны, но такъ какъ низшія расы не имѣютъ ихъ, то эти чувства не могли быть таковыми съ самаго начала, такъ что ихъ нельзя считать естественными свойствами человѣка. Соглашаясь со Спенсеромъ, что въ цѣлыхъ расахъ развивались и до сихъ поръ развиваются извѣстныя основныя нравственныя интуиціи, онъ не согласенъ съ тѣмъ, что эти нравственныя интуиціи являются результатомъ накопленныхъ опытовъ полезности, т.-е. полезности для самого индивидуума. Какъ скоро оказывается, что извѣстный

образъ дѣйствій всегда бываетъ полезенъ для индивидуума, этотъ образъ дѣйствій считается скорѣе благоразумнымъ, чѣмъ добродѣтельнымъ. Безъ сомнѣнія, извѣстныя чувства, вліяя изъ поколѣнія въ поколѣніе, могли произвести убѣжденіе, дѣлающееся постоянно все болѣе и болѣе глубокимъ, но все-таки это убѣжденіе касается одной лишь полезности даннаго дѣйствія. Такимъ образомъ, вышеупомянутое ученіе вовсе не объясняетъ, какъ изъ убѣжденія въ полезности дѣйствія развилось понятіе о его справедливости, т.-е. совершенно игнорируетъ разницу между „справедливымъ“ и „полезнымъ“. Тѣмъ не менѣе, полезность дѣйствительно была естественно, хотя и безсознательно, избираема основою нравственности. Для примѣра возьмемъ развитіе понятія честности. Честность могла быть соединяема въ понятіяхъ нашихъ предковъ со многими, какъ счастливыми, такъ и съ несчастными послѣдствіями, но честность со стороны другихъ могла, безъ сомнѣнія, имѣть для нихъ лишь счастливыя послѣдствія. Хотя идея, что честность есть наилучшая, т.-е. самая полезная политика, явилась, дѣйствительно, много лѣтъ спустя послѣ того, какъ была провозглашена священная ненарушимость ея какъ долга, но она была признана добродѣтелью, какъ только люди сознали священную ненарушимость какого-бы то ни было долга вообще. Какъ скоро отдѣльныя личности или цѣлыя государства стали заключать между собою договоры, тотчасъ-же стало очевидно, что интересъ одной стороны требуетъ честности отъ другой. Всякое неисполненіе условія естественно подверглось-бы осужденію потерпѣвшей отъ него стороны. Именно потому честность и считается добродѣтелью, что она иногда соединена съ несчастными послѣдствіями. Если-бы она была прямо выгодна для обѣихъ сторонъ, она признавалась-бы всегда только полезной, а не справедливой, тогда она утратила-бы именно тотъ существенный элементъ, который дѣлаетъ изъ нея добродѣтель. Изъ этого примѣра и другихъ Леббокъ приходитъ къ за-

ключенію, що, якъ скоро извѣстная раса подвигалась впередъ по пути интеллектуальнаго развитія, тогчасъ-же, конечно, должна была ощущаться разница между тѣми дѣйствіями, относительно которыхъ человѣку было внушаемо, что они ведутъ къ его прямой выгодѣ и такими, которыя не ведутъ къ ней, но, тѣмъ не менѣе, предписывались ему въ силу какихъ-либо другихъ причинъ. Отсюда должны были возникнуть идеи справедливости и долга, отличныхъ отъ простой полезности. Насколько наши понятія о справедливости зависятъ болѣе отъ тѣхъ внушеній, которыя мы получаемъ въ молодости, чѣмъ отъ идей, переходящихъ къ намъ по наслѣдству, можно убѣдиться изъ разсмотрѣнія различныхъ нравственныхъ кодексовъ, существующихъ въ одномъ и томъ же обществѣ. И такъ, по его мнѣнію, авторитетъ былъ источникомъ, а польза, хотя и не въ томъ видѣ, какъ полагаетъ Спенсеръ, была критеріемъ добродѣтели.

Религія, какъ факторъ, устанавливающий отношенія между человѣкомъ и высшими силами посредствомъ обѣщанія наказаній и наградъ, даетъ санкцію закону, сначала внѣшнему принудительному, а затѣмъ внутреннему, научаетъ человѣка поступать сообразно съ долгомъ, иногда даже безъ всякаго внѣшняго къ тому побужденія, только подъ угрозой невидимой силы. „Вообще“, замѣчаетъ Липпертъ, „изъ факторовъ, имѣющихъ воспитательное вліяніе на человѣчество, вышедшее уже изъ первобытнаго состоянія, культъ является важнѣйшимъ и наиболѣе значительнымъ. Представленія культа выдвинули для защиты пріобрѣтенныхъ нравственныхъ понятій силу, которая была выше всякой власти на землѣ“. Эта-то сила, могущество вѣры, и привела человѣчество къ современному высокому нравственному идеямъ.

3. Развитие права.

Происхожденіе и развитіе права представляетъ собою одинъ изъ наиболѣе интересныхъ и наиболѣе важныхъ отдѣ-

ловъ культурной исторіи человѣчества. Право, слѣдуя всегда за моралью, развивалось одновременно съ нею. Условія первобытной жизни человѣчества не благопріятствовали развитію правового сознанія, такъ какъ при постоянномъ взаимномъ соперничествѣ членовъ общины, при постоянной борьбѣ за существованіе, которую приходилось вести нашимъ предкамъ, право отдѣльнаго индивидуума могло защищаться только силою. Право получило свое признаніе и защиту только съ появленіемъ сильной власти, которая имѣла возможность принудить индивидуума уважать права себѣ подобныхъ.

Право есть не болѣе, какъ кодифицированная мораль. Оно тоже возникаетъ изъ потребностей, которыя создаютъ обычаи, но не предшествуетъ имъ. Оно отличается отъ морали тѣмъ, что содержитъ предписанія, простирающіяся на дѣйствія, не ставшія еще инстинктивными. Нравственность, утверждаясь наслѣдственностью, въ извѣстныхъ случаяхъ становится импульсивной и заставляетъ насъ фатально подчиняться своимъ законамъ. Наши наслѣдственные чувства, накопленные въ теченіе вѣковъ, совершенно достаточны, чтобы помѣшать намъ вернуться къ такимъ дѣйствіямъ, какъ съѣденіе родителей, убійство дѣтей и т. п. Только противъ такихъ дѣйствій, какъ воровство, поддѣлка, грабежъ, обманъ и т. п., противъ которыхъ наши наслѣдственные чувства еще недостаточно сильны, нужны законы. Страхъ предъ жандармомъ не есть, очевидно, моральный принципъ, но такъ какъ онъ имѣетъ мѣсто, то наши общества будутъ утилизировать его до тѣхъ поръ, пока моральные принципы не будутъ прочно вселены въ нашей душѣ.

Право въ своемъ развитіи подчиняется общимъ законамъ эволюціи. Школа естественнаго права, сравнивая между собою различныя національныя системы права и замѣчая въ нихъ, на ряду съ различіями въ частности, и общее сходство, пришла къ заключенію, что существуетъ естественное право, вѣчное, общее и неизмѣнное, необходимо вытекающее

изъ самой природы человѣка, независимое отъ людского произвола. Эта гипотеза была необходимымъ слѣдствіемъ отсутствія идеи законмѣрности историческаго развитія всѣхъ человѣческихъ учрежденій, такъ какъ иначе приходилось-бы признать право совершенно произвольнымъ установленіемъ людей, нисколько не вызваннымъ необходимостью. Но съ XVIII вѣка, благодаря трудамъ Вико, Монтескье, Гердера и др. была выработана идея законмѣрнаго историческаго развитія, которая, будучи примѣнена къ праву, совершенно разрушила эту гипотезу. Въ этомъ заключается главная заслуга исторической школы, представителемъ которой считается Савиньи. Разъ поняли законмѣрный и, слѣдовательно, необходимый характеръ историческаго развитія права, въ гипотезѣ естественнаго права не оказалось болѣе надобности. Существующій въ правѣ элементъ необходимости и независимости отъ человѣческой воли нашелъ лучшее и легче согласимое съ фактомъ разнообразія и измѣнчивости объясненіе въ законмѣрности развитія права. Право не есть исконное, неизмѣнное установленіе природы, но не представляется вмѣстѣ съ тѣмъ и произвольнымъ установленіемъ людей. Оно не можетъ быть измѣняемо по произволу. Право есть законмѣрно развивающійся и потому необходимый продуктъ общественной жизни. Оно создается не произволомъ отдѣльных личностей, а необходимымъ ходомъ человѣческой исторіи. Далеко не научно утверждать, что однимъ фактомъ своего появленія на свѣтъ существо приноситъ съ собою права. Мы не признаемъ никакого права за рождающимся животнымъ, за дикаремъ, котораго мы уничтожаемъ, ни вообще за всѣми существами слабѣе насъ. Если-бы на нашей планетѣ внезапно появилась раса, настолько превосходящая нынѣшній человѣческій видъ, какъ нашъ превосходитъ животный, то, навѣрное, эта раса обращалась-бы съ людьми, какъ послѣдніе съ домашними животными, и человѣческое право исчезло-бы въ теоріи и на практикѣ. Въ наши дни, въ цивилизованной

Европѣ, маленькія государства избавляются отъ завоеванія и уничтоженія только тѣмъ, что большія государства не могутъ согласиться между собою, такъ какъ каждое хочетъ сохранить добычу для себя. Въ тотъ день, когда знаменитое европейское равновѣсіе рухнетъ въ пользу одного или двухъ самыхъ могущественныхъ государствъ, всѣмъ останется только или подчиниться или исчезнуть, и ихъ право не будетъ имѣть никакого значенія въ этой системѣ равновѣсія націй.

Единственное естественное право, господствующее во всей исторіи человѣчества—это право болѣе сильнаго. Въ этого всеобщаго права существуютъ только права мѣстные, предназначенныя сдерживать немного проявленія естественнаго права и необходимо измѣняющіяся отъ одного народа къ другому. Но это не значитъ, что право представляетъ собою продуктъ исторіи каждаго народа въ отдѣльности, что право исключительно національно. Въ эту ошибку впадала историческая школа, которая, объяснивъ присущій праву элементъ необходимости, оставила безъ объясненія элементъ общности. Эта ошибка вызвала возрожденіе теоріи естественнаго права въ обновленной формѣ. Школа Гегеля видитъ въ естественномъ правѣ общую неизмѣнную основу законмѣрно развивающихся историческихъ системъ права, а органическая школа видитъ въ немъ общій-же неизмѣнный идеалъ, постепенное осуществленіе котораго и составляетъ смыслъ историческаго развитія права. Гораздо послѣдовательнѣе и правильнѣе объясняется элементъ общности въ правѣ идеей законмѣрнаго историческаго развитія его, освобожденной отъ присвоенной ей ученіемъ исторической школы слишкомъ узкой формы народнаго національнаго развитія. Согласно этой идеѣ, одинаковыя условія всегда порождаютъ одинаковыя послѣдствія. Но, какъ ни разнообразны въ частностяхъ условія существованія и развитія различныхъ человѣческихъ обществъ, въ общемъ они все-таки одинаковы. Всегда и вездѣ это суть условія жизни людей

на земномъ шарѣ. Дѣятели и арена въ историческомъ развитіи всегда одни и тѣ же; между людьми гораздо больше сходства, чѣмъ различія. Поэтому, гдѣ-бы ни протекала человѣческая жизнь, она вездѣ представляетъ однѣ и тѣ-же общія черты. Въ частности и человѣческое право неизбѣжно имѣетъ въ себѣ и общіе элементы, которые въ своемъ развитіи измѣняются у различныхъ народовъ.

Идея законмѣрности историческаго развитія права, выдвинутая исторической школой, составляетъ въ настоящее время общепризнанное достояніе науки. Однако, сами основатели исторической школы впали въ ошибку, придавая этой законмѣрности такое-же значеніе, какое она имѣетъ въ развитіи языка. Какъ мирно, безъ усилій и борьбы, развивается языкъ изъ основныхъ заложенныхъ въ человѣкѣ элементовъ, такъ и право есть саморазвивающійся естественный продуктъ жизни общества. Какъ языку, такъ и праву чужды борьба, какъ тутъ, такъ и тамъ историческая школа совершенно оставляетъ въ сторонѣ *интересы*, тогда какъ послѣдніе неразрывно связаны съ правомъ.

Этой идеѣ естественнаго мирнаго роста права былъ противопоставленъ новый взглядъ на процессъ развитія права проф. Рудольфомъ Іерингомъ—идея борьбы за право, которая лучше и проще объясняетъ исторію права, какъ оно складывается въ дѣйствительности. По его мнѣнію, исторія не есть какъ-то само собою совершающійся процессъ, по отношенію къ которому люди являются лишь безучастными свидѣтелями. Исторія складывается изъ людскихъ дѣйствій, творится людьми. Такой же характеръ въ частности должна имѣть и исторія права. Главнымъ непосредственно дѣйствующимъ факторомъ ея также служатъ дѣйствія людей. Люди не могутъ безразлично относиться къ юридическимъ нормамъ, такъ какъ нормы эти непосредственно затрагиваютъ самые жизненные интересы людей, и, поэтому, установленіе той или другой нормы не можетъ не вызывать борьбы изъ за нея. Та-

кимъ образомъ, мирному, естественному росту нѣтъ мѣста; въ дѣйствительности право рождается какъ плодъ борьбы, иногда долгой и упорной. Теорія эта не ослабляетъ законмѣрности развитія права. По мнѣнію проф. Коркунова ученіе Іеринга можетъ быть принято лишь съ нѣкоторыми ограниченіями. Нельзя признавать, чтобы право было всецѣло продуктомъ сознательной дѣятельности, *сознательной* борьбы. Необходимо допустить первоначально безсознательное установленіе обычаевъ, становящихся современемъ юридическими. Эти безсознательно установившіеся стародавніе обычаи имѣютъ на своей сторонѣ всегда интересъ опредѣленности. Они, какъ старые, всѣмъ извѣстные, всѣмъ привычные, устойчивѣе и опредѣленнѣе всякой новой юридической нормы. Поэтому, въ интересъ порядка всегда желательно сохраненіе старыхъ исконныхъ обычаевъ. Но они вмѣстѣ съ тѣмъ крайне формальны и, какъ старые, никогда не могутъ соответствовать новымъ условіямъ и новымъ потребностямъ общественной жизни. Они представляются при измѣнившихся условіяхъ общественныхъ отношеній неудобными, стѣснительными и чѣмъ дальше, тѣмъ больше. Все сильнѣе и сильнѣе даетъ себя чувствовать потребность замѣнить ихъ новыми, сознательно выработанными и болѣе соответствующими современнымъ условіямъ жизни юридическими нормами. Въ противоположность суровому, стѣснительному старому праву, эти новыя нормы представляются болѣе справедливыми. И вотъ все развитіе права представляетъ борьбу стараго, безсознательно установившагося права, съ новымъ, сознательно выработаннымъ. Эту двойственность въ правѣ замѣтили еще римскіе юристы; ихъ противоположеніе *jus strictum* и *aequitas* (строгаго права и справедливости) имѣетъ именно такое значеніе.

Теперь рассмотримъ вкратцѣ главные моменты развитія права. Первымъ обществамъ нужно было продолжительное время, чтобы понять, что нарушеніе права од-

ного изъ членовъ, совершенное болѣе сильнымъ, падаетъ въ концѣ концовъ на всѣхъ другихъ; поэтому только очень поздно община вмѣшивается въ частныя распри и приходитъ имъ на помощь наказаніемъ виновныхъ. Всѣ первобытные кодексы знаютъ сначала право мести обидчику. У низшихъ народовъ община вмѣшивалась въ дѣла правонарушеній, когда они касались интересовъ всего общества. Каждый долженъ самъ защищать себя или мстить за полученныя обиды. Это право личной мести упорно сохранялось въ теченіе вѣковъ не только у большей части народовъ Азии, но еще у полумодернизованныхъ народовъ, какъ, напр., у жителей Корсики, у которыхъ человѣкъ считаетъ себя обезчещеннымъ, если не отомстилъ самъ за полученную обиду обидчику или его родственникамъ. Даже въ древней Греціи не было должностныхъ лицъ, обязанностью которыхъ было бы преслѣдованіе преступниковъ; въ случаѣ даже убійства государство не брало на себя инициативы, которая была предоставлена семейству пострадавшаго. Размѣръ и степень законной мести иногда подвергались, однако, ограниченію и точно опредѣлялись. Такъ въ Западной Австраліи, гдѣ мы менѣе всего могли бы этого ожидать, по разсказу Грея, преступленія могутъ быть искуплены добровольнымъ появленіемъ преступника съ тѣмъ, чтобы подвергнуться ордалии, состоящей въ бросаніи въ него копій всѣми, считающими себя обиженными имъ, или въ согласіи его на то, чтобы нѣкоторыя части его тѣла, какъ, напр., бедро, икра ноги или верхняя часть руки были пронзены копьемъ; для каждаго изъ наиболѣе обычныхъ преступленій назначена извѣстная часть тѣла, которая должна быть подвергнута пораненію, и туземецъ, навлекшій на себя такое наказаніе, иногда спокойно выставляетъ ногу, предоставляя обиженной сторонѣ воткнуть въ нее копье. Размѣръ наказанія опредѣленъ такъ строго, что если, нанося копьемъ раны подобнаго рода, обиженный преступитъ по неосторожности установленныя предѣлы, если, напр., ранитъ бедренную артерію, то онъ, въ свою

очередь, будетъ подлежать наказанію, какому долженъ былъ подвергнуться его обидчикъ.

Когда община, для того чтобы прекратить кровавыя распри, раздѣляющія семьи и ослабляющія ихъ, взяла въ свои руки право оскорбленнаго, она не могла сначала постичь другого наказанія, какъ таліонъ: око за око, зубъ за зубъ. Но этотъ обычай обратился противъ нея, такъ какъ послѣ акта насилія, который лишалъ ее одного члена, она теряла еще по своей волѣ и другого члена, — убійцу, принося его въ жертву. Тогда прибѣгли къ системѣ денежнаго возмездія. Такъ какъ на преступленіе смотрѣли, какъ на личное дѣло, въ которомъ заинтересованы лишь нарушитель права и его жертва, то всякое преступленіе, даже убійство, могло быть вознаграждено уплатой такой суммы, которая удовлетворяла родственниковъ убитаго. Эта плата была пропорціональна нанесенному вреду и не имѣла никакого отношенія къ самому преступленію. Въ то время, какъ всякое нарушеніе права индивидуума вознаграждалось, общество не пришло еще къ мысли, что оно само, какъ общество, можетъ требовать какого-нибудь удовлетворенія отъ виновнаго и что оно имѣетъ интересъ предупредить преступленія примѣрными наказаніями. Въ этихъ низшихъ фазахъ первобытнаго права общественное мнѣніе не окружало еще виновныхъ порицаніемъ. Никакой идеи о безчестіи не связывалось съ воровствомъ, насиліемъ, прелюбодѣяніемъ, убійствомъ. Приблизились только къ тому понятію, что справедливо вознаграждать деньгами за причиненный вредъ. Когда виновный уплатилъ должную сумму, онъ совершенно сквитовался со своей жертвой и съ обществомъ.

Таково было приблизительное состояніе права въ теченіе первыхъ вѣковъ исторіи. Это состояніе должно было продолжаться долго, потому что мы находимъ его слѣды въ кодексахъ относительно недавняго происхожденія. Законъ XII таблицъ, Русская правда знаютъ эту систему денежнаго вознагражденія за правонаруше-

нія. Въ германскомъ правѣ жизнь человѣка оцѣнивалась по его положенію; платили очень дорого за убійство знатнаго или священника, но можно было съ маленькими издержками убивать крестьянъ, женщинъ и рабовъ.

Развитіе правосознанія проявляется въ юридическихъ обычаяхъ, являющихся первымъ объективнымъ выраженіемъ слагающихся юридическихъ нормъ. Зарождаясь въ сознаниі, норма постепенно, съ помощью силы привычки и инстинкта подражанія, получаетъ вполне объективное значеніе, выразившись въ обычаяхъ. Обычай есть первоначальная форма объективирования правосознанія и долгое время былъ главнымъ источникомъ права. Впослѣдствіи, съ усложненіемъ и развитіемъ общественной жизни, къ нему прибавились законодательство и судебная практика, которыя также даютъ юридической нормѣ внѣшнее, независимое отъ сознанія бытіе. Совокупность юридическихъ нормъ, получившихъ свое выраженіе въ обычаяхъ, законодательныхъ постановленіяхъ и судебной практикѣ, составляетъ положительное право каждаго народа, создаваемое его жизнью и условіями его историческаго развитія.

ГЛАВА V.

Происхожденіе и развитіе собственности, промышленности и правленія.

I. Развитіе собственности.

Наши нынѣшнія идеи о личной собственности, которыя кажутся намъ столь справедливыми и простыми, очень медленно появлялись въ умахъ людей и были въ теченіе долгихъ вѣковъ совершенно неизвѣстны. Идея о личной собственности такъ же мало врождена въ насъ, какъ и тѣ, которыя относятся къ праву и нравственности. Она до того нова, что и теперь, даже въ цивилизованной Европѣ мы видимъ, иногда вопреки закону, слѣды ея первобытныхъ формъ.

Такъ какъ главные факторы, которые опредѣляютъ эволюцію собственности, часто тормозятся многочисленными второстепенными факторами, то вслѣдствіи этого ея развитіе остановилось на очень различныхъ фазахъ у народовъ, достигшихъ тѣмъ не менѣе одной и той же степени цивилизаціи. Въ краткомъ обзорѣ, который мы здѣсь дадимъ, мы можемъ указать только на тѣ общія формы, черезъ которыя собственность нормальнымъ образомъ проходила у большей части народовъ. Этого будетъ вполне достаточно для того, чтобы показать, что этотъ институтъ, какъ и всѣ другіе, былъ подчиненъ общимъ законамъ эволюціи.

Первые люди, которые, какъ мы видѣли, не знали ни земледѣлія, ни искусства приручать животныхъ, могли жить только продуктами охоты и рыбной ловли. По тому, что

мы наблюдаемъ теперь у низшихъ дикихъ народовъ, мы должны предположить, что, съ одной стороны, почвой и теченіемъ воды всѣ владѣли сообща и что, съ другой, эта общность владѣнія не простиралась за предѣлы одного и того же племени. Каждое племя имѣло свою территорію охоты и рыбной ловли и энергично защищало ее отъ всякихъ внѣшнихъ вторженій. Эта общая собственность была единственной, которую могли постичь люди, но этимъ они не возвышались надъ животными. Достаточно наблюдать, съ какимъ воинственнымъ жаромъ банда муравьевъ защищаетъ свои галлерей отъ нашествія чужихъ бандъ, чтобы согласиться съ этимъ. Также поступаютъ пчелы по отношенію къ своимъ ульямъ и нѣкоторыя плотоядные животныя по отношенію къ своимъ территоріямъ охоты.

Если идея собственности дѣйствительно прошла черезъ первобытную форму, о которой мы говорили, то мы должны находить племенной коммунизмъ у всѣхъ племенъ, живущихъ исключительно охотой или рыбной ловлей. Такъ оно и есть въ дѣйствительности; — многочисленныя примѣры встрѣчаются еще и теперь въ Океаніи, Африкѣ и у индѣйцевъ Америки. Мы укажемъ только на нѣкоторые. Въ Новой Зеландіи встрѣчаются племена, живущія въ состояніи абсолютнаго коммунизма. Не только почва и вода, но даже орудія охоты и рыбной ловли принадлежать одинаково всѣмъ. Въ нѣдрахъ черной Африки, въ странахъ, въ которыхъ царствуетъ полная дикость, почва принадлежитъ тому, кто можетъ ею пользоваться; деревни сами не имѣютъ опредѣленной территоріи: ихъ уничтожаютъ или переносятъ по совершенно ничтожнымъ мотивамъ. Краснокожіе Сѣверной Америки знаютъ, какъ собственность, только территорію охоты, принадлежащую каждому племени; они защищаютъ ее не только въ своихъ взаимныхъ войнахъ, но и противъ европейцевъ, и когда они вынуждены покинуть ее, то большею частью предпочитаютъ умереть, чѣмъ измѣнить свой образъ жизни. Полный коммунизмъ наблюдается также у эскимосовъ.

Этотъ народъ дѣлится на маленькія группы, и всѣ предметы, которыми владѣетъ каждая группа, принадлежать всѣмъ ея членамъ. Орудія, которыя каждый употребляетъ, составляютъ его собственность только до тѣхъ поръ, пока онъ ихъ употребляетъ. Если на охотѣ или ловлѣ поймаютъ кита, бѣлаго медвѣдя, моржа, животное дѣлится между всѣми. Личной собственностью считается только мелкая добыча, куски дерева, не обременяющіе одного человѣка, предметы чисто личного употребленія, какъ, наиримѣръ, одежда. Шалаши, судна, территоріей деревни—всѣмъ группа владѣетъ сообща.

Послѣ того какъ человѣкъ былъ исключительно охотникомъ, онъ начинаетъ приручать животныхъ и жить продуктами своихъ стадъ. Но пастушеская жизнь не измѣняетъ глубоко строя собственности. Скотоводство, какъ и охота, требуетъ огромныхъ территорій. Кочеваніе стадъ, какъ и крупная дичь, требуетъ большихъ пространствъ земли, которыми одинъ человѣкъ или даже цѣлая семья не въ состояніи владѣть, т. е. охранять и защищать. Общность владѣнія естественно необходима для пастушескихъ народовъ, какъ и для охотничьихъ. Готтентоты, у которыхъ скотъ составляетъ главное богатство, владѣютъ своими пастбищами сообща. Пастушескія племена арабовъ, народа, безконечно выше стоящаго на лѣстницѣ цивилизаціи, остались при этомъ же режимѣ собственности, т. е. общимъ владѣніи почвой всѣми членами племени.

Первобытный коммунизмъ продолжалъ существовать только въ видѣ исключенія у народовъ, достигшихъ извѣстнаго уровня цивилизаціи. Кромѣ арабовъ, у которыхъ этотъ строй собственности обусловливался свойствами почвы и образомъ жизни, изъ народовъ немного цивилизованныхъ можно указать только на древнихъ жителей Перу передъ эпохой испанскаго завоеванія. Каждый гражданинъ тамъ женился въ опредѣленномъ возрастѣ, получалъ домъ, участокъ земли, который увеличивался при рожденіи ребенка. Жрецы, царь, старики и немощные содержались народомъ, который

снабжалъ ихъ всѣмъ нужнымъ. Всѣ другіе члены общества обязаны были работать и не могли обогащаться, потому что, какъ только у нихъ появлялись вещи, которыхъ они не употребляли, они обязаны были отсылать ихъ въ магазины боговъ или царя. Въ государствѣ Инковъ совершенно не было ни бѣдныхъ, ни богатыхъ, тамъ царили идеальный коммунизмъ и идеальное равенство. Мы слишкомъ мало знаемъ ихъ исторію, чтобы сказать, что миръ, благоденствіе и счастье тоже царили тамъ.

Появленіе земледѣлія вызвало первое преобразованіе формы собственности. Когда человѣкъ въ потѣ лица распахивалъ клочекъ земли, который давалъ ему скудную жатву, естественнымъ образомъ должна была возникнуть въ его умѣ мысль, что онъ одинъ только имѣетъ право ею пользоваться. Вначалѣ это право даже и не оспаривалось, такъ какъ трудъ долженъ былъ казаться непропорціональнымъ своему результату. Дѣвственные первобытные лѣса, богатая дичью, гораздо больше искушали отважныхъ людей, исполненныхъ нетерпѣнія, юныхъ и непредусмотрительныхъ существъ, которые не умѣли долго ждать, чтобы видѣть поднимающійся колосъ и спѣлое зерно.

Такъ какъ обработка земли была очень тяжелой, то человѣкъ не обрабатывалъ самъ своего поля, а заставлялъ помогать себѣ дѣтей, женъ, рабовъ, если имѣлъ ихъ; его братья и родители также присоединялись къ нему. Почва уже не эксплуатировалась сообща, какъ обширная территорія охоты, на которой все племя легко находило средства къ существованію. Семьи отдѣлялись и изолировались, и каждая тратила весь трудъ и всѣ свои усилія на обработку и посѣвъ земли, плодами которой сама должна была пользоваться. — Съ этихъ поръ семейная собственность замѣняетъ собою собственность племени (общинную). Въ Абиссиніи каждая семья владѣетъ своимъ участкомъ, нераздѣленнымъ между членами, въ которомъ дочери не должны наслѣдовать, такъ какъ онѣ могли бы черезъ замужество передать его чужеплеменни-

ку; дочери призываются къ наслѣдованію только при отсутствіи наслѣдниковъ мужскаго пола до 6-й степени. Аналогичный-же законъ управлялъ солической землей у Франковъ, такъ какъ эта земля была семейной собственностью. У евреевъ всѣ земли дѣлились между семьями, но такъ какъ счастье было неодинаково, то каждые 50 лѣтъ производился новый раздѣлъ. Это то, что называлось годомъ юбилея. Этотъ періодическій равный раздѣлъ между семьями былъ очевиднымъ остаткомъ первобытнаго коммунизма.

Только послѣ того, какъ собственность прошла черезъ эти двѣ формы, общинной (племенной) и семейной собственности, она начинаетъ становиться личной. Но она все еще не имѣетъ того абсолютнаго характера, который мы встрѣчаемъ теперь, который дѣлаетъ человѣка полнымъ неограниченнымъ господиномъ своего имущества не только въ теченіе его жизни, но даже и послѣ смерти, такъ какъ онъ можетъ почти безъ всякаго препятствія оставить его тому, кому заблагоразсудится. Эта идея о личной собственности, которая кажется теперь неразрушимой и священной, очень поздно появилась въ умахъ людей.

Правда, нѣкоторыя первобытныя общества дошли до нея очень скоро, но на нихъ можно указать, какъ на поразительныя исключенія. Такъ, Новокаледонцы, Витійцы, нѣкоторыя австралійскія племена знаютъ личную собственность, но большая часть этихъ племенъ занимается земледѣліемъ; охотничьи-же племена совершенно почти не охотятся за крупною дичью: добыча, которую они отыскиваютъ — опоссумъ, пресмыкающіяся, рыбы, раковины, — водятся на ограниченныхъ пространствахъ территорій, которыя одинъ человѣкъ можетъ эксплуатировать и охранять.

Явленіе, столь мало распространенное у нынѣшнихъ дикарей и никогда не существовавшее у народовъ первобытныхъ временъ, не должно насъ занимать, когда мы намѣчаемъ эволюцію собственности. Въ моментъ,

когда началась история, начиналась 2-я фаза этой эволюции. Всюду народы вышли из состояния племенного коммунизма и доразвились до семейного. Этот последний вид собственности должен был достигнуть своего апогея, в республиканском Риме с его родом (gens) и неотчуждаемой родовой территорией, на которой возвышались храмы богов-ларов и гробницы предков. Но в течение всей древности и даже средних веков существовало еще воспоминание о первобытном коммунизме. В начале феодализма идея, что все земли принадлежат главам народа, и что только владельцы ленов пользуются доходами их, показывает, в какой степени строй собственности независим от формы правления.

Мы изложили вкратце общие законы эволюции собственности. Этот институт слишком недавнего происхождения для того, чтобы его древние формы совершенно исчезли даже у цивилизованных народов. Общинное владение или, что почти то же, коммунизм селений, существует еще и теперь на Яве и в большей части России и Индии. Семейный коммунизм продолжает существовать до сих пор у Басков и оставил еще и теперь свои следы даже в Великобритании, в праве старшинства.

2. Развитие промышленности.

Уже при самых своих зачатках промышленность оказала значительное влияние на ход цивилизации и на условия существования человека. Чем больше она развивалась, тем больше она, служа обществу, подчиняла его себе. Ее влияние не переставало возрастать в течение веков и теперь превзошло влияние всех других факторов. Война, которая, как показывает нам история, возвышала и уничтожала царства по воле своих капризов, несравнима по своим последствиям со всемогущей индустрией. Промышленность создала рабство, она же заставила его исчезнуть, она же сама только будет направлять в будущем убийственное

соперничество человеческих рас. Борьба, свидетелями которой будут рынки и площади в будущем, явится гораздо более страшной для побжденных и более решительной для победителей, чем те войны, которые пошли кровью поля сражений в течение почти всей истории. — Достаточно только в общих чертах изследовать развитие промышленности, чтобы указать на значение той роли, которую она играла в развитии цивилизации.

Начало этого могущества, которое должно было подчинить весь мир своим законам, было очень низко. Человек в течение долгого времени был менее искусен, чем бобр, муравей, ласточка или пчела. Зато он делал первые шаги: он выучился обтачивать камень, ударяя его и, таким образом, приготовил оружие и грубые орудия. Так как охота представляла главный источник его существования, то смертоносные орудия были им усовершенствованы первыми. Скоро он изготовил палку, дротик, рогатину, лук и пращу. Эти два последние орудия элементарной баллистики употребляются в Австралии и Полинезии дикарями, которые не умеют еще пользоваться металлами. Орудия защиты, как щиты из коры, панцири из кожи и хлопчатника встречаются у самых первобытных народов. Таким образом, искусство убивать, как наиболее необходимое для первобытного человека, было им прежде всего усовершенствовано. Оно никогда не переставало занимать наш ум. Теперь оно поддерживается на высоте других открытий и пользуется всеми источниками знания. Уровень цивилизации народа всегда может измеряться степенью усовершенствования его вооружения.

После изготовления грубого оружия, способного увеличивать силу первобытных людей в нападении и защите, самым важным открытием было добывание огня по желанию. Польза огня такова, что наши предки скоро стали обожать ту силу, которой они пользовались.

Культъ огня общъ большей части первобытныхъ народовъ, но ни одинъ изъ нихъ не опоэтизировалъ его больше, чѣмъ аріицы. Агни былъ для нихъ основой всей жизни. Онъ, въ явномъ или скрытомъ состояніи, обращался по всей вселенной и все оживлялъ. Открытіе огня было началомъ важныхъ промышленныхъ успѣховъ. Оно сдѣлало болѣе легкимъ приготовленіе пищи, повело къ возникновенію искусства обжигать глину и, гораздо позже, обработки металловъ. Бронза, а затѣмъ желѣзо, дали чело-вѣку возможность покорить міръ. Только тогда, когда начали употреблять въ дѣло металлы, цивилизація могла въ дѣйствительности прогрессировать. Всѣ вещества, которыя прежде обрабатывались съ такимъ трудомъ, безъ сопротивленія принимали любую форму подъ вліяніемъ всемогущаго металла. Для того, чтобы вырубить дерево каменнымъ топоромъ, требовались мѣсяцы, теперь же оно въ теченіе нѣсколькихъ часовъ падало подъ ударами желѣзнаго топора. Челнокъ, терпѣливо вырѣзываемый въ теченіе мѣсяцевъ каменными орудіями, скоро расширялъ свои бока подъ острымъ ножомъ работника. Поэтому нельзя удивляться, что у нѣкоторыхъ народцевъ Африки кузнецъ почитался, какъ жрецъ, и его каста разсматривалась, какъ аристократическая.

Началомъ всякаго серьезнаго промышленнаго прогресса было раздѣленіе труда. Съ тѣхъ поръ, какъ первыя семьи соединились въ племя, это раздѣленіе стало неизбежнымъ. Прежде всякій приготовлялъ для самого себя и для своей семьи грубое оружіе, одежду, хижину, челнокъ. Когда люди соединились, они начали мѣняться между собою продуктами своей промышленности, и тогда только могло возникнуть раздѣленіе труда. Оно необходимо привело къ скорому усовершенствованію предметовъ производства. Безпрестанно изготовляя одни и тѣ же предметы, специалисты мало по малу улучшали форму и качество ихъ. Этому помогла привычка, затѣмъ наслѣдственность, когда внослѣдствіи распространился обычай, чтобы дѣ-

ти перенимали профессію отца. Эта спеціализація различныхъ отраслей промышленности съ теченіемъ времени все болѣе и болѣе увеличивалась; каждый работникъ не только приурочился къ изготовленію одного рода предметовъ, всегда ограниченаго и опредѣленнаго, но сталъ изготовлять только части одного предмета.

Полная спеціализація труда, ставшая закономъ новой цивилизаціи, никогда не переходила опредѣленныхъ предѣловъ въ древнихъ цивилизаціяхъ. Она не переступала той ступени, на которой находится и теперь на Востокѣ. Вообще превосходя, съ художественной точки зрѣнія, европейскаго работника, работникъ Востока, употребляющій только незначительное количество инструментовъ, остался истиннымъ артистомъ. Раздѣленіе труда не мѣшало ему всецѣло изготовлять своей рукой какую-либо вещь; поэтому эта вещь носитъ на себѣ отпечатокъ личности, котораго современная промышленность ей не дастъ. Работникъ никогда не былъ на Востокѣ простымъ механическимъ орудіемъ, вся жизнь котораго проходитъ въ просверливаніи дыръ или въ подыманіи и опусканіи молотка, а умственныя способности скоро притупляются подъ вліяніемъ скучной, монотонной, автоматической и всегда однообразной работы.

Первыя цивилизаціи такъ-же какъ и тѣ, которыя замѣняютъ ихъ на Востокѣ до нашихъ дней, не знали почти совершенно машинъ или знали только самыя первобытныя. Все исполнялось трудомъ чело-вѣка, обыкновенно трудомъ рабовъ. Рабство было слѣдствіемъ первыхъ важныхъ успѣховъ промышленности, и никакое важное усовершенствованіе не могло бы быть осуществлено безъ него. Въ то время, когда чело-вѣкъ долженъ былъ самъ все дѣлать, быть въ одно и то же время ремесленникомъ, земледѣльцемъ и воиномъ, невозможны были никакіе успѣхи. Въ ту эпоху, когда ручной трудъ былъ единственнымъ средствомъ, какимъ располагалъ чело-вѣкъ, чтобы исполнить малѣйшую вещь, необходимо было огромное количе-

ство рукъ, чтобы изготовить всѣ предметы необходимости и роскоши. Это были, естественно, руки тѣхъ тысячъ рабовъ, которые доставлялись войнами. Когда завоеватель бралъ провинцію или городъ, онъ старался обезлюдить ихъ, чтобы наполнить рабами свои дома; еще очень недавно эта система практиковалась бѣлыми расами въ черной Африкѣ.

Институтъ рабства находится въ основѣ всѣхъ древнихъ обществъ. Этотъ фактъ его повсемѣстнаго существованія доказываетъ, насколько онъ былъ роковымъ образомъ необходимъ. Эта неизбежная фатальность должна была бы нѣсколько умѣрить потокъ рѣчей, столь же негодующихъ, какъ и бесполезныхъ, которыя были произнесены противъ рабства адвокатами и историками. Гораздо разумнѣе было бы постараться понять происхождение и послѣдовательность этого института. Немного размысленія было бы достаточно, чтобы показать, что только рабство сдѣлало возможнымъ прогрессъ промышленности, который мы наследуемъ теперь, и что первымъ слѣдствіемъ его было смягченіе войнъ, такъ какъ оно препятствовало страшнымъ истребленіямъ, которыя прежде слѣдовали за ними. Права хозяина надъ рабомъ были столь же обширны, какъ собственника надъ лошадыю; щадили хорошаго раба, какъ и хорошую лошадь, и по одному только простому расчету хозяинъ долженъ былъ больше заниматься благосостояніемъ способнаго работника, чѣмъ директора завода нашего времени. Если такой могущественный факторъ, какъ промышленность, установилъ порядокъ вещей, то всѣ гуманныя восклицанія ораторовъ ничего не могли бы измѣнить. Современная индустрія готовитъ человѣку болѣе жестокія времена, чѣмъ времена древняго рабства.

Немногимъ выше рабства стояло крѣпостное состояніе. Мы встрѣтимъ его въ нѣкоторыхъ древнихъ обществахъ и увидимъ, что тамъ его заступаетъ еще болѣе высокая фаза, соотвѣтствующая корпораціямъ среднихъ вѣковъ. Механизмъ этихъ послѣднихъ можетъ служить ей типомъ.

Отъ работы каждаго требовалось большое совершенство; прежде чѣмъ ученикъ дѣлался подмастерьемъ, затѣмъ хозяиномъ, онъ долженъ былъ подвергнуться испытанію, приготовить свой шедевръ и потратить годы труда. Каждая корпорація была могущественной организаціей, ревливой къ своимъ привилегіямъ, исключительной, требующей многого отъ своихъ членовъ, и доставлявшей всегда самые совершенные и прекрасные продукты труда. Рынки были ограничены, сообщенія медленны, сбытъ товаровъ былъ опредѣленный и иностранная конкуренція легко устранялась. Эти корпораціи, какъ нѣкогда корпораціи финикіянъ, приобрѣли огромное вліяніе; онѣ сооружали суда, основывали города и колоніи и, какъ суконщики Нидерландовъ, которые побѣдоносно сражались противъ Карла V, стали очень могущественными. Промышленность, которая сдѣлала изъ свободнаго человѣка раба, во многихъ странахъ достигла того, что сдѣлала этого раба истиннымъ господиномъ. Противъ деспотической силы меча она создала силу труда, которой еще труднѣе было сопротивляться.

Эти различныя формы эволюціи относятся только къ мелкой промышленности, единственной, которую знали древнія общества. Крупная промышленность новаго времени создала новую форму эволюціи, заключающуюся въ узкой спеціализаціи труда и въ замѣнѣ работника машинами.

Но мы здѣсь имѣемъ въ виду только древнія общества. Еслибы мы могли изложить здѣсь исторію промышленности, то легко могли бы показать, что она была самымъ могущественнымъ факторомъ эволюціи новыхъ обществъ. Революціи и войны—часто только различныя эпизоды ея преобразованія, такъ же, какъ землетрясенія, изумляющія и поражающія воображеніе, вообще суть не болѣе, какъ незначительные эпизоды медленной работы эволюціи, которая преобразуетъ мало по малу нашу планету.

Немногіе историки и политики поняли эту капитальную, хотя и разрушительную роль промышленности в истории, и когда законодатели великой революции, для того чтобы обновить устарѣлое зданіе правленія и классовъ и дать людямъ свободныя учрежденія, искали образцовъ въ классической древности, они впали въ самое наивное заблужденіе, которое можетъ заставить улыбнуться мыслителя. Ихъ республика, доступная всѣмъ, совершенно не походила на аристократическія республики первыхъ временъ исторіи, въ которыхъ очень ограниченное количество привилегированныхъ лицъ носило названіе гражданъ, въ то время какъ огромная толпа рабовъ, которые поддерживали эти общества своимъ трудомъ, не считались даже людьми.

Эта гигантская работа, которая изъ древняго міра создала новый и которую почти исключительно совершила промышленность, есть еще ничто въ сравненіи съ тѣми чудесами, которыя совершаетъ предъ нашими глазами эта самая общественная сила въ послѣдніе годы и въ сравненіи съ тѣми, которыя ей еще суждено совершить, благодаря открытіямъ науки.

3. Происхождение и развитіе политическихъ учреждений.

Политическія учрежденія должны быть разсматриваемы въ исторіи развитія человѣческихъ обществъ не какъ причины, а какъ слѣдствія. Они представляютъ собою результатъ состоянія цивилизаціи даннаго народа и измѣняются вмѣстѣ съ нимъ. Политическій строй указываетъ только условія его существованія, а также, каковы были предшествовавшія политическія фазы, которыя онъ прошелъ. Эта истина, которая, безъ сомнѣнія, когда-либо покажется элементарной, теперь едва начинаетъ сознаваться. Мы еще до сихъ поръ не можемъ освободиться отъ ошибки, столь дорогой всѣмъ революціонерамъ, будто народъ можетъ по своему произволу выбирать учрежденія, которыя кажутся ему наилучшими, и будто его судь-

ба измѣняется сообразно тому, какое учрежденіе воспринято имъ. Еще и теперь охотно воображаютъ, что конституціи создаются въ одинъ день и могутъ быть навязаны народу убѣжденіемъ или силой, и что для того, чтобы цивилизовать низшій народъ, достаточно сразу научить его законамъ, которые имѣли наибольшій успѣхъ у высшихъ народовъ. Ликургъ и Солонъ, которые создали свои кодексы изъ различныхъ кусковъ, считаются еще и теперь образцами, на которые указываютъ классическія книги. Если, тѣмъ не менѣе, эти великіе законодатели создали прочное произведеніе, то единственно потому, что они ограничились собираніемъ обычаевъ, которые привычкой и религіей были утверждены въ душахъ и служили выраженіемъ потребностей народа, которымъ должны были управлять. „Я далъ афинянамъ не лучшіе законы, какіе только можно вообразить“, сказалъ Солонъ, „а такіе, которые лучше всего подходятъ къ нимъ“. Изученіе цивилизацій, которыя наслѣдовали другъ другу въ исторіи, легко покажетъ намъ, въ какой степени политическія учрежденія представляютъ собою выраженіе потребностей народа. Встрѣчая одни и тѣ-же учрежденія у народовъ, достигшихъ почти одинаковыхъ фазъ развитія, мы изъ этого должны необходимо заключить, что народы, у которыхъ они встрѣчаются, подчинялись имъ, какъ неизбѣжной необходимости, но не выбирали ихъ. Въ исторіи нельзя встрѣтить примѣра народа, который рѣзко измѣнилъ-бы свои учрежденія. Только названіе ихъ измѣнялось нѣсколько разъ вслѣдствіе кровавыхъ революцій и жестокихъ завоеваній. Измѣненія, которыя можетъ произвести самый деспотичный завоеватель, могутъ быть продолжительны только подъ тѣмъ условіемъ, что будутъ незначительны. Такъ было въ древнія времена, такъ бываетъ и теперь. Корсика, прикрѣпленная къ ногамъ Франціи, какъ ядро, не смотря на пресекта, магистратъ, кодексъ и жандармовъ, управляется бандитами и сохраняетъ свои кланы и всю свою средневѣковую орга-

низацию; Ирландія, на половину усмирена, но ничуть не изменилась подъ желѣзной властью Англіи. Низшимъ народамъ мы тщетно стараемся навязать наши законы. Изъ этого видно, что невозможно изменить учрежденія или, что почти то-же, изменить умственное состояніе народа.

Внимательное изученіе исторіи народовъ легко показываетъ намъ, что каждый изъ нихъ прошелъ черезъ общія фазы политическаго устройства, какъ онъ прошелъ черезъ фазы религіозныя и промышленныя, и что ни одинъ изъ нихъ никогда не изготовлялъ своихъ учреждений изъ различныхъ кусковъ. Правила, которыя подходятъ для одного народа, не подходятъ для другого. Они имѣютъ только относительную цѣнность. Тираннія была превосходной вещью для однихъ эпохъ, свобода одинаково превосходна для другихъ.

Потребности существованія и среды, съ одной стороны, а съ другой, чувства и наслѣдственныя идеи народа, а слѣдовательно, его прошлое, создали его политическое устройство. Последнее всецѣло зависитъ отъ его умственной организаціи. Онъ не можетъ выбирать его, какъ не можетъ выбирать чувствъ и идей, которыя приносятъ при своемъ рожденіи. Учрежденія народа могутъ изменяться только вмѣстѣ съ измененіемъ условій существованія. Напрасно старались-бы подчинить его другимъ законамъ, чѣмъ тѣмъ, которымъ подчиняетъ его прошлое. Онъ ихъ никогда не восприметъ, такъ какъ невозможно вмѣстѣ съ законами, которые являются слѣдствіями, принести всѣ тѣ причины, которыя ихъ вызываютъ.

Установивъ эти общіе принципы, займемся изслѣдованіемъ того, какъ возникли и развились учрежденія въ нѣдрахъ первыхъ цивилизацій. На первомъ планѣ слѣдуетъ, безъ сомнѣнія, поставить вліяніе среды. Мы видимъ, что одна среда благоприятствуетъ однимъ учреждениямъ и не благоприятствуетъ другимъ, что, на примѣръ, народы, живущіе въ степяхъ, необходимо номады, необходимо имѣютъ очень слабую центральную организацію

и очень сильную отцовскую власть; что они находятся подъ ярмомъ строгихъ традицій и до такой степени склонны къ завоеванію, что ихъ можно назвать заселителями міра; наоборотъ, народы, живущіе охотой на лѣсистыхъ пространствахъ, имѣютъ очень суровую деспотическую центральную власть и очень слабую отцовскую, не знаютъ почти никакихъ традицій и никогда не имѣли стремленія покорить міръ. Но это отдѣльные случаи, которыми мы не будемъ заниматься. Наша цѣль заключается въ томъ, чтобы показать, какъ развились основныя учрежденія, которыя встрѣчаются почти у всѣхъ народовъ.

Самое древнее подобіе управленія возникло изъ необходимости соединиться между собою, чтобы защищаться отъ враговъ, необходимости, которую почувствовали первыя человѣческія семьи. Въ началѣ существованія человѣческаго вида все было для него опасно и грозило ему уничтоженіемъ. Первое, что пришло въ голову первобытному дикарю, въ виду кровожадности дикихъ звѣрей и нападенія себѣ подобныхъ, — было, естественно, соединиться въ группы и, такимъ образомъ, изъ слабыхъ единицъ, собранныхъ вмѣстѣ, создать первую силу — ассоціацію. Мы видѣли раньше, каковы были эти ассоціаціи, которыя скорѣе заслуживали названія стадъ, чѣмъ обществъ. Но многочисленность не послужитъ ни къ чему, если она не будетъ руководиться общимъ импульсомъ, а откуда было придти этому импульсу, какъ не отъ главы, который естественно долженъ былъ быть самымъ умнымъ, храбрымъ и отважнымъ изъ всей банды. Обезьяны живутъ такимъ-же образомъ; онѣ образуютъ маленькія группы, руководимыя сильнымъ самцомъ. Это первое подобіе государства и управленія встрѣчается даже у человѣческаго вида, у патагонцевъ, ново-зеландцевъ и австралійцевъ. Ихъ маленькія общества насчитываютъ не болѣе 20—30 человѣкъ, включая сюда женщинъ и дѣтей. Что доказываетъ, въ какой степени эти союзы и власть одного возникли изъ необходимости защищаться противъ врага и нападать на соперни-

ковъ, чтобы вырвать у нихъ предметы пропитанія, столь рѣдкіе, это то, что у нѣкоторыхъ первобытныхъ народовъ организація въ группы подъ начальствомъ одного лица существуетъ только во время войны и распадается во время мира. Жители Тасманіи имѣютъ только временныхъ начальниковъ; каждая маленькая орда выбираетъ предводителя, прежде чѣмъ предпринять походъ; послѣ побѣды онъ лишается власти и становится равнымъ всѣмъ другимъ. Народы, не знающіе войны, не имѣютъ понятія объ единоличной власти. Эскимосы, которые живутъ маленькими мирными обществами, не дошли до этого понятія. Они поражаются, видя дисциплину, существующую на европейскихъ пароходахъ, когда двадцать сильныхъ матросовъ бросаются куда угодно по первой командѣ офицера.

Война не есть единственная причина возникновенія первобытныхъ учреждений, какъ мы увидимъ дальше; но если она является причиной, то всегда предоставляетъ власть одному лицу. Со времени первыхъ стычекъ люди поняли, какая огромная сила создается дисциплиной, сила, безконечно превосходящая численность. Сколько маленькихъ человѣческихъ группъ, раздираемыхъ своими дикими страстями, должны были усилиться и исчезнуть вслѣдствіе отсутствія этой столь существенной силы—дисциплины! Необходимость повиновенія одной волѣ, одной идеѣ, внушается предъ лицомъ опасности даже самымъ непокорнымъ натурамъ. Жестокій опытъ научаетъ людей повиновенію и вибрируетъ его часто до преувеличенія. Доказательствомъ этому служить ужасный деспотизмъ, проявляемый африканскими царьками и въ наше время. Мы видѣли, что страхъ въ началѣ исторіи породилъ божества, но можно также сказать, что онъ породилъ и единоличную власть. Когда обѣ идеи соединились между собою, когда первые руководители людей дали своимъ законамъ религіозную санкцію, ихъ могущество не знало больше предѣловъ, и капризы восточныхъ деспотовъ игра-

ли жизнью тысячъ себѣ подобныхъ, которые обожали ихъ. Такимъ образомъ война была первой причиной появленія единоличной власти. Общественная опасность заставила въ Римѣ ввести диктатуру; какъ только опасность миновала, Цинцинатъ вернулся къ плугу. Въ странахъ, наиболѣе склонныхъ къ свободѣ, война вызываетъ появленіе тиранновъ, которые вообще начинали съ того, что были покровителями и защитниками отечества, какъ въ древней Греціи. Могущественный врагъ, который становится опаснымъ, вызываетъ появленіе абсолютной власти у сосѣдей.

Вообще говоря, всѣ націи, географическое положеніе которыхъ заставляетъ ихъ оставаться воинственными, сохраняютъ абсолютную монархію, какъ систему правленія. Обширныя государства, открытыя внѣшнимъ нападеніямъ, расположенныя къ внутреннимъ усобицамъ, будутъ автократіями, какъ это видѣли и теперь видно на Востокѣ. Наоборотъ, ограниченныя страны, защищенныя горами, образуютъ скорѣе маленькія, свободныя общины, какъ въ древнія времена въ Греціи или въ новыя въ Швейцаріи. Номады, которые не имѣютъ территоріи для защиты, не знаютъ абсолютной власти; туркоманы приходятъ въ негодованіе при одной только мысли о подчиненіи одному главѣ.

Непосредственно послѣ войны слѣдуетъ поставить промышленность, какъ одинъ изъ могущественнѣйшихъ факторовъ если не возникновенія, то по крайней мѣрѣ формы развитія правленія. Первые богатства, которыя она создаетъ и первое неравенство, которое является ея слѣдствіемъ, заставляютъ такъ же скоро возникнуть власть, какъ и первые войны. Какъ только орудія человѣка начинаютъ мало по малу совершенствоваться, промышленность начинаетъ развиваться въ первобытныхъ обществахъ. Ремесленники, способные земледѣльцы создаютъ больше предметовъ, чѣмъ имъ нужно для удовлетворенія своихъ потребностей; они обмѣниваютъ ихъ, продаютъ и такимъ образомъ приобрѣтаютъ богатство.

Богатые скоро образуютъ своего рода касту и, такъ какъ они должны защищать свое имущество отъ бѣдной и жадной массы, они постановляютъ законы, правила, однимъ словомъ правленіе. Но это правленіе, вызванное развитіемъ промышленности, не имѣетъ такого же характера, какъ правленіе, возникшее благодаря войнамъ. У промышленныхъ народовъ власть постоянно менѣе сконцентрирована, чѣмъ у воинственныхъ. Колоніальныя богатства Тира сдѣлали изъ его купцовъ князей, какъ говоритъ Исаія, и хотя Тиръ, какъ всѣ прочіе города Финикіи, имѣлъ царей, но купцы и владѣльцы кораблей были всемогущи въ государствѣ. Олигархія торговой Венеціи, республика Нидерландовъ также могутъ быть разсматриваемы, какъ типы учреждений, созданныхъ промышленностью. Учрежденія промышленнаго происхожденія породили необходимымъ образомъ явленія, сильно разнящіеся отъ тѣхъ, которыя встрѣчаются въ чисто военныхъ государствахъ. Монархъ военной автократіи не имѣлъ соперниковъ въ нѣдрахъ самой націи, въ то время какъ въ промышленной, въ Тирѣ, напр., онъ раздѣлялъ власть съ торговой аристократіей. Такимъ образомъ, тутъ онъ долженъ былъ необходимо опираться на народъ, подавляемый аристократической кастой.

Выше мы замѣтили, что народы, не знающіе войны, не знаютъ также и царской власти; тѣ же, которые не знаютъ промышленности, не знаютъ, что такое правильное управленіе. Таковы нѣкоторые народы Южной Америки, бушмены и даже готтентоты, хотя послѣдніе, какъ пастушескій народъ, знаютъ родъ аристократіи, которую можно было бы назвать „аристократіей скота“: тотъ, кто имѣетъ много стадъ, играетъ большую роль. Въ случаѣ войны эти народы избираютъ временнаго начальника, который теряетъ всякую власть во время мира.

Война и промышленность — таковы были два главныхъ источника всякаго правленія, и ихъ развитіе опредѣля-

етъ собою въ теченіе вѣковъ развитіе политическихъ учреждений. Но есть еще и третій факторъ, — религіозныя вѣрованія, дѣйствіе котораго хотя проявляется, можетъ быть, болѣе поздно, но тѣмъ не менѣе очень важно. Съ тѣхъ поръ, какъ всѣ древніе народы безъ исключенія допустили, что сверхъестественныя и грозныя силы управляютъ судьбами людей, естественно было слѣдовать совѣтамъ жреца, который зналъ ихъ желанія, истолковывалъ ихъ изреченія и умѣлъ умиловить ихъ молитвами. Также было вполне естественно, что монархъ старался давать своимъ повелѣніямъ божественную санкцію и соединялся для этого съ жречествомъ, которое располагало ею. Часто эти обѣ силы соединялись въ одну, но вообще онѣ постоянно жили въ тѣсномъ единеніи. Фараоны Египта обоготворялись послѣ смерти, Ромуль и Ремъ были сыновьями Марса, Нума получалъ совѣты отъ нимфы Эгеріи; въ Китаѣ императоръ — „Сынъ Солнца“, въ Японіи микадо — представитель боговъ, царь Сіамскій получаетъ отъ своихъ подданныхъ божескія почести, съ нимъ говорятъ, повергаясь ницъ. Если такія явленія встрѣчаются и въ наше время у цивилизованныхъ народовъ, то легко понятно, каковы они должны были быть у расъ совершенно варварскихъ. Мы можемъ судить объ этомъ по тому неограниченному деспотизму, проявляемому негрскими царьками Африки, которые почти всѣ болѣе или менѣе обоготворяются своими народами.

У всѣхъ древнихъ народовъ воля боговъ находилась въ основѣ всѣхъ учреждений. Она придавала законамъ ту суровость и устойчивость, которыя, повидимому, должны были противиться всякому прогрессу, но которыя, тѣмъ не менѣе, уступали медленнымъ измѣненіямъ, какимъ подвергались изо дня въ день условія жизни. У всѣхъ древнихъ народовъ Востока мы встрѣчаемъ господство всемогущей теократіи. Египтяне получали свои законы отъ касты жрецовъ, даже самъ фараонъ судился ею послѣ смерти. Евреи вѣрили, что ими непосредственно ру-

ководить Іегова, и что Мойсей, Ісусъ Навинъ, судьи, а гораздо позже цари были только истолкователями его воли и представителями. У древнихъ аріевъ жрецы играютъ огромную роль, и Веды говорятъ о подаркахъ, которые должны предлагать имъ могущественные владыки, если желаютъ, чтобы ихъ предпріятія имѣли успѣхъ. Позже въ нѣдрахъ развитыхъ цивилизацій, греческой и римской, было не иначе. Гражданскій и религіозный законъ были тѣсно соединены въ одномъ ярмѣ, которое тяготѣло надъ каждымъ гражданиномъ. Личность приносилась въ жертву государству и не пользовалась никакой личной свободой. Боги государства представлялись грозными, требующими постоянно повиновенія и слѣпой преданности; ничто не могло быть предпринято безъ совѣта оракула; отрицаніе значенія его было равносильно измѣнѣ націи, и весь народъ возставалъ противъ скептика, какъ, напр., противъ Сократа.

Послѣ того, какъ мы показали, что политическія учрежденія народа, главнымъ образомъ, созданы войной и развитіемъ промышленности, а затѣмъ утверждены религіозными законами, намъ остается показать эволюцію этихъ учреждений въ мірѣ и описать тѣ измѣненія, которымъ они подверглись. Мы ограничимся указаніемъ главнѣйшихъ чертъ.

Эти измѣненія соотвѣтствуютъ вполнѣ тѣмъ, которымъ подверглись условія существованія человѣка, въ особенности вслѣдствіе развитія промышленности. Но эти необходимыя измѣненія не совершились безъ затрудненій и борьбы, — борьбы, составляющей сущность жизни человѣческихъ обществъ, — между прогрессивными и консервативными инстинктами. Народы могутъ продолжать свое существованіе только подъ условіемъ уваженія къ своимъ традиціямъ и могутъ прогрессировать только тогда, если съумѣютъ во время освободиться отъ этихъ традицій, когда тѣ станутъ бесполезными и вредными. Рѣшеніе этой задачи, обѣ стороны которой кажутся съ перваго взгляда противорѣчивыми, представляетъ массу трудностей. Исто-

рія представляетъ собою грудю обломковъ націй, которыя исчезли, потому что не могли достигъ рѣшенія этой задачи. Въ жизни народа главную роль играетъ его способность къ измѣненію. Если эта способность слишкомъ слаба, — она мѣшаетъ осуществленію какого-бы то ни было прогресса и осуждаетъ націю на исчезновеніе предъ тѣми народами, которые способны прогрессировать; если она слишкомъ велика, народъ теряетъ всякую связь съ прошлымъ и также гибнетъ.

Во всѣхъ первыхъ цивилизаціяхъ роль учреждений должна была, повидимому, быть болѣе замѣчательной, чѣмъ какой она могла стать въ болѣе передовыхъ обществахъ, но, въ дѣйствительности, она была гораздо менѣе значительна. У первобытныхъ народовъ вмѣшательство государства въ дѣла гражданъ было почти ничтожно. Государство не старалось, какъ теперь, вмѣшиваться въ ничтожныя подробности жизни частныхъ лицъ. Его вліяніе сводилось, большею частью, къ военной командѣ, для воинственныхъ народовъ, и къ мирному посредничеству — для пастушескихъ и земледѣльческихъ. Государство очень мало или почти совсѣмъ не занималось частными интересами, которые предоставлялись семьямъ. Идея, что государство можетъ вмѣшаться для того, чтобы наказывать преступленія, касающіяся отдѣльныхъ лицъ, явилась гораздо позже въ исторіи. Понятіе, которое представляется уму наиболѣе естественнымъ, это то, что оскорбленная личность или семья однѣ имѣютъ интересъ мстить за полученную обиду. Таліонъ, основа всего библейскаго права, примѣняемый къ обидчику или его семьѣ, встрѣчается почти во всемъ древнемъ правѣ. Только, обиды, касающіяся всего племени или боговъ племени, наказывались обществомъ. Эта первобытная фаза учреждений существовала у всѣхъ дикихъ народовъ, у которыхъ еще не развилась промышленность.

Когда наши первые предки перешли изъ состоянія дикости въ состояніе варварства, измѣнился и ихъ об-

пщественный строй; они знаютъ уже кланъ, затѣмъ рабство и, наконецъ, феодальную систему. Кланъ былъ правильной общиной, основанной на родительской власти, въ которой власть главы соединялась съ отцовской властью. Когда нѣсколько клановъ, вслѣдствіе географическихъ условий или для образованія военныхъ союзовъ, соединились между собою, является нація, которая уже съ самаго начала имѣетъ рабовъ и организуется по феодальной системѣ. Вслѣдствіе этого измѣнились и самыя войны. Это уже не были нападенія племени на племя, послѣ которыхъ плѣнниковъ убивали для того, чтобы принести ихъ въ жертву богамъ или съѣсть. Это были значительныя предпріятія, гдѣ цѣлая раса обрушивалась на богатую и счастливую страну, овладѣвала ею и поселялась тамъ. Побѣдители, которые становились повелителями обширной территоріи и огромнаго побѣжденнаго населенія, имѣли только одну мысль и одно занятіе: получать произведенія этой земли, мечемъ заставляя побѣжденных обрабатывать ее; поэтому покоренная страна ставилась на военную ногу. Въ общественномъ строѣ появилась военная іерархія со степенями главнокомандующаго, офицера, унтеръ-офицера и солдата, соотвѣтствующими отнынѣ титуламъ короля, сюзерена, вассала и зависимыхъ отъ вассаловъ. Побѣжденное населеніе уже не уничтожалось, такъ какъ оно сдѣлалось очень полезнымъ вслѣдствіе возникновенія промышленности. Оно должно было работать для своихъ господъ на поляхъ, въ домахъ, предоставляя побѣдителямъ досугъ, который они могли употребить либо на войны, либо на усовершенствованіе своей общественной дѣятельности или искусствъ. Побѣжденные работали рабами, какъ илоты въ Лаконіи, или крѣпостными, какъ французскіе крестьяне въ средніе вѣка.

Рабство и феодальная система при всемъ своемъ варварствѣ, какое мы въ нихъ видимъ, представляли огромный прогрессъ сравнительно съ древнею дикостью. Какъ типы учрежденій, они однако еще очень элементарны. Всѣ граж-

дане еще причастны къ пользованію властью въ томъ смыслѣ, что каждый собственникъ былъ абсолютнымъ господиномъ надъ своими землями, и всѣ распри между сосѣдями чаще всего рѣшались съ мечемъ въ рукахъ и безъ вмѣшательства государства. Эта система должна была продолжаться до нашихъ дней. Она могла исчезнуть только тогда, когда крупная промышленность вызвала совершенно новыя условія существованія, которыя мало по малу ослабили старые обычаи и постепенно уничтожили ихъ до послѣднихъ слѣдовъ.

О п е ч а т к и:

СТРАН.	СТРОКА.	НАПЕЧАТАНО:	СЛѢДУЕТЪ ЧИТАТЬ:
5	21 сверху	въ втеченіе	въ теченіе
7	15 "	происходили	проходили
9	6 снизу	выражаетъ	воплощаетъ
21	7 сверху	латиняны	латиняне
22	6 снизу	были	составляли
34	13	различныхъ народовъ	у различныхъ народовъ
37	14	членораздѣльный	членораздѣльный
71	3 "	салической	салической
72	11 "	и что только владѣльцы леновъ	и что владѣльцы леновъ
		пользуются	пользуются
75	20 "	дырь	дырь

Оглавление.

	СТР.
ГЛАВА I. Эволюція въ исторіи.	3
ГЛАВА II. Первые вѣка жизни человѣчества и источники исторіи	15
ГЛАВА III. Происхожденіе и развитіе семьи и языка	
1. Развитіе семьи	26
2. Развитіе языка	35
ГЛАВА IV. Развитіе культа, морали и права	
1. Развитіе культа	44
2. Развитіе нравственности	52
3. Развитіе права.	58
ГЛАВА V. Происхожденіе и развитіе собствен- ности, промышленности и правленія.	
1. Развитіе собственности.	67
2. Развитіе промышленности.	72
3. Происхожденіе и развитіе поли- тическихъ учреждений	78

Русская Библиотека

Изданіе Г. Бейленсона и И. Юровскаго, Одесса.

ВЫШЛИ ИЗЪ ПЕЧАТИ:

- № 1. Изъ психологіи народовъ. — Проф. И. И. Янжула.
Цѣна 20 коп.
№ 2. Пoesія мировой скорби. — Проф. Н. И. Стороженко. Ц. 15 к.
№ 3. Роль идей, учреждений и личности въ исторіи. — Проф.
Н. Карѣва. Цѣна 20 к.
№ 4. Война или миръ? — Гр. Л. Камаровскаго — Цѣна 15 к.
№ 5. Криминальная антропологія. — Проф. В. Чижа. — Цѣна 20 к.

ПЕЧАТАЮТСЯ:

- № 6. С. Южаковъ. — Любовь и счастье въ произведеніяхъ
Пушкина.
№ 7. Проф. И. И. Янжулъ. — Вопросъ о государственномъ вмѣ-
шательствѣ въ область промыш-
ленности.

Изданія «Международной Библиотеки».

О Д Е С С А.

Вышли изъ печати и поступили въ продажу:

- В. Прейеръ. — О сохраненіи здорсвья и о продленіи
жизни. Цѣна 50 к.
В. Вундтъ. — Душа и мозгъ. Переводъ съ нѣмец-
каго. — Цѣна 20 коп.
Отто Элерсъ. — Популярный курсъ политической
экономіи. Перев. съ нѣмецкаго. — Ц. 50 к.
Густавъ Ле-Бонъ. — Эволюція цивилизацій.
Новѣйшая исторія Франціи 1870 — 1895. — Ц. 25 к.
Новѣйшая исторія Германіи 1866 — 1895. Ц. 20 к.
Новѣйшая исторія Англіи 1865 — 1895. Ц. 20 к. ✓

ГОТОВИТСЯ КЪ ПЕЧАТИ:

- Проф. Гижицкій. — Основы морали. ✓

Международная Библиотека.

Къ 15-му Мая 1895 г. вышли изъ печати и поступили въ продажу:

- ✓ № 1. Источники пессимизма.—Ферд. Брюнетьера. (2-е изданіе).
- ✓ № 2. Что такое женская эмансипація? I. Кеттлеръ. (2-е изданіе).
- № 3. Связь философіи съ жизнью за послѣднія 100 л.—Вундта. (2-е изд.)
- № 4. Этюды о рус. писателяхъ.—Достоевскій. Островскій.—Леметра. (2-е изд.).
- № 5. Государствен. строй С.-Амер. Соед. Штатовъ.—А. Шенбаха. (2-е изд.).
- № 6. Отличительн. характеръ французск. литературы.—Брюнетьера.
- № 7. Геніальность и помѣшательство.—Шарля Риппе. (2-е изданіе).
- ✓ № 8. Самоубійство и современная цивилизація.—Г. фонъ Шея.
- № 9. В. Шекспиръ.—(Введеніе.—Біографія Ш.—Его стиль).—И. Тэна.
- № 10. Литература и вырожденіе.—Рене Думика.
- № 11. Причины экономическаго разстройства въ Европѣ.—Брентано.
- № 12. Звѣрь въ человѣкѣ.—Брандеса.
- ✓ № 13. Этика и борьба за существованіе.—Лесли Стефена.
- ✓ № 14. Законы культуры.—Отто-Генне-амъ-Ринъ.
- ✓ № 15. Происхожденіе семьи.—Ф. Штрайслера.
- № 16-17. Психологія мужчины и женщины и ея физіологич. основанія.—Фулье.
- № 18. О возрастахъ человѣка. А. Шопенгауэра.
- № 19. Государственный строй Германской Имперіи.—По Лабанду.
- № 20. Новая политическая экономія.—Густава Шенберга.
- № 21. Механизмъ мышленія.—Альфреда Бинэ.
- № 22. Гамлетъ, какъ трагедія пессимизма.—Ф. Паульсена.
- ✓ № 23. Что такое социальный законъ?—Рюмелина.
- № 24. Реформа физическаго воспитанія.—Фердинанда Лагранжа.
- № 25. Наслѣдственность болѣзненнаго предрасположенія.—Ш. Ферре.
- № 26. Судъ присяжныхъ и его значеніе.—Миттермайера.
- № 27. Сила и право.—Меркеля.
- № 28. Основы литературной критики.—А. Гацфельдта.
- № 29. Государственный строй Франціи.—По Лебону.
- № 30. Исторія народнаго образованія въ Англіи.—Л. Флейшнера.
- № 31. Нервная система человѣка.—І. Мебіуса.
- № 32. Эмиль Золя.—Георга Брандеса.

ПЕЧАТАЮТСЯ:

- № 33. О нравственномъ воспитаніи.—Спенсера.
- № 34. О цѣлительныхъ силахъ организма.—Рудольфа Вирхова.
- № 35. Характеръ расъ и будущность бѣлой расы.—А. Фулье.
- № 36. Борьба за право.—Р. Геринга.

О послѣдующихъ выпускахъ будетъ своевременно объявлено.

Цѣна вып. 15 к., № 24—20 к., № 16-17—25 к. За пересылку вкз. 5 к.

Обращаться въ складъ „Международной Библиотеки“.
Одесса, типографія Исаковича, Гаванная, № 10.